

© 2002 г. П.В. ГРАЩЕНКОВ

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ПРИ РУССКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ: ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ОДНОЙ "СУГУБО ВНУТРЕННЕЙ" ПРОБЛЕМЫ

0. ВВЕДЕНИЕ

0.1. ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ АНАЛИЗЕ РУССКОЙ КГ

Данная статья посвящена такому явлению естественного языка как **Количественная Группа** (далее – КГ). Количественной Группой мы будем называть такие именные группы (ИГ), в состав которых входят числительные¹. Типология собственно числительных как грамматической категории не будет нашей первоочередной задачей и будет затрагиваться лишь постольку, поскольку она связана с типологией КГ. Таким образом, ни система счисления (пятеричная, десятиричная, двадцатеричная...), ни количество единиц категории числительного (возможен ли в языке счет только с 3-х или до 10¹⁵) не будут иметь для нас особого значения.

В чем же заключаются проблемы, связанные с КГ? Наиболее актуальные из них могут быть продемонстрированы на примере русского языка. Так, примененные зависимые в русском, как известно, регулярно согласуются с существительным в роде, числе, падеже:

(1)

а. По двору прошел черный кот / прошла черная кошка / прошли черные коты.

б. Мальчик увидел черного кота / черную кошку / черных котов.

Отличие грамматических свойств числительных (начиная с двух) от свойств таких модификаторов состоит в том, что в позиции подлежащего и прямого объекта они требуют от существительного определенной формы, а именно, (как принято считать) – генитива единственного числа для числительных от *двух* до *четырех* включительно и генитива множественного числа для числительных от *пяти* до *десяти* и от *одиннадцати* до *девятнадцати*, а также для названий десятков (составные числительные наследуют свойства своего последнего элемента, т.е. числительного от *одного* до *деяти*):

(2)

а. По двору прошли два кота.

б. Мальчик увидел двух котов.

с. По двору прошли пять котов.

д. Мальчик увидел пять котов.

¹ Термины "именная группа" и "количественная группа" ни в коей мере не являются в нашей работе "идеологическими": говоря о количественной или именной группе мы не делаем никаких утверждений о вершинности числительного или существительного в таких составляющих; данная проблема, собственно, и есть предмет исследования, а принятая нами терминология выбрана лишь из соображений удобства.

В то же время, в косвенных падежах существительные в КГ получают то падежное значение, которое получило бы в данном контексте одиночное имя (и стоят во множественном числе):

(3)

- a. Мальчик обрадовался двум котам.
- b. Мальчик был напуган двумя котами.
- c. Мальчик обрадовался пяти котам.
- d. Мальчик был напуган пятью котами.

Ниже мы перечислим основные вопросы, которые возникают при более или менее пристальном взгляде на материал русской КГ.

Пожалуй, первостепенным надо признать вопрос о том, какой из двух элементов КГ, существительное или числительное, является Вершиной или Главным Словом подобных именных групп. Примеры (2) вынуждают нас считать вершиной числительное, что несколько неожиданно с точки зрения традиционного анализа именной группы (ср. с примерами (1)). В то же время, примеры группы (3) явным образом противоречат этому решению.

Неоднозначный материал русского языка был неоднократно обсужден как отечественными, так и зарубежными лингвистами, при этом каждый исследователь выдвигал свои доводы в пользу того или иного решения (более подробное описание основных точек зрения на эту проблему будет дано нами в пункте 1.2). Итак, как видно, из приведенных нами примеров, оба варианта анализа имеют равные права на существование, т.е., решить данную проблему на материале одного языка (или даже нескольких близкородственных языков) не представляется возможным. Мы же попробуем предложить свое решение, опираясь на данные, предоставляемые различными языками.

Мы также постараемся ответить и на другие вопросы, которые неизбежно появляются у исследователя при рассмотрении КГ русского языка, а именно: каковы правила построения ИГ с количественным числительным в различных языках (т.е. мы попытаемся построить типологию КГ); насколько распространена ситуация, представленная в русском; наконец, – каковы причины возникновения столь нестандартного поведения приименного модификатора в русском языке.

Для того чтобы дать ответ на эти вопросы, нам будет необходимо разобрать некоторые чисто теоретические проблемы синтаксиса и несколько углубиться в общую теорию структуры ИГ.

0.2. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА

0.2.1. ПРАВИЛА ВЫДЕЛЕНИЯ ВЕРШИНЫ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ И НЕУНИВЕРСАЛЬНОСТИ

Несложно показать, что попытки однозначно и непротиворечиво выделить синтаксическую вершину далеко не всегда оказываются успешными. Хорошим примером может служить S(entence)-составляющая, т.е. составляющая, включающая подлежащее и группу глагола: общепризнанно, что VP выступает вершиной такой составляющей, однако, тот факт, что во многих языках подлежащее является контролером согласования, явным образом противоречит такому решению.

Если говорить об именной группе, то в качестве примера можно привести, скажем, такие ИГ, как английская *a devil of a fellow* – "бравый парень" или французская *diable d'enfant* – "ужасный ребенок". В них семантической вершиной (см. определение в следующем пункте) являются имена *fellow* и *enfant*, в то время как на уровне поверхностного синтаксиса они должны интерпретироваться как зависимые. Здесь, как и в случае с подлежащим и глагольной группой, налицо противоречие между различными правилами выделения вершины синтаксической составляющей.

На наш взгляд, нет необходимости ни подгонять все критерии с целью добиться однообразия (которого в действительности нет!) итоговых данных, ни отказываться от понятия вершины как такового. Более логично было бы выявлять свойства каждой составляющей по отношению к разным тестам в разных языках мира. Противоречивые случаи, таким образом, не будут ни отвергаться, ни подвергаться насильственному упрощению, напротив, особо интересными будут для нас примеры несоответствия между **Семантической и Синтаксической Вершиной**.

Итак, было бы методологически обоснованно отмечать результаты теста не для одного из элементов ИГ, а для обоих тестируемых на предмет определения направления синтаксических отношений элементов составляющей; результаты применения теста могли бы в таком случае выглядеть следующим образом (на примере двух тестов для составляющей $S = NP + VP$, т.е. простой предикации, терминология разъясняется ниже):

Таблица 1

Пример применения тестов, позволяющих определить синтаксическую вершину, к составляющей $S = NP + VP$ в русском языке

	NP	VP
Контролер согласования	+	–
Морфосинтаксический центр	–	+

Причем, в любой ячейке можно ожидать как "+" или "–", так и прочерк. Результат же применения критериев должен выглядеть не как категоричное утверждение, а как вывод о приоритетности рассмотрения одной составляющей в качестве синтаксической вершины по сравнению с признанием вершиной другой составляющей.

Прежде чем перейти собственно к правилам выделения синтаксической вершины и зависимого, сделаем еще одно важное замечание. В свое время серьезное влияние на развитие лингвистической теории оказала работа Дж. Николс [Nichols 1986], в которой осуществляется попытка построения типологии отношений "вершина – зависимое" в языках мира. Никоим образом не стремясь преуменьшить результаты исследования Николс, мы хотели бы заранее застраховаться от одной досадной ошибки, допущенной, на наш взгляд, автором. Ошибка эта состоит в следующем: рассматривая разные типы составляющих (ИГ, группу глагола, предложную группу...) Николс говорит о синтаксической вершине как о едином для всего множества составляющих явлении, вершина и зависимое выделяются в составляющих разных типов на одних и те же основаниях. Такой подход нам кажется несколько упрощенным. Действительно, в случае, скажем, глагольной или предложной группы нет сомнений в том, что можно без труда определить вершину каждой из этих составляющих, глагол в первом случае и предлог – во втором. Однако причины, по которым мы принимаем решение в каждом из этих случаев, совершенно разные, строить пропорцию глагол / прямое дополнение = предлог / именная группа у нас нет никаких оснований. Являясь вершинами в случае каждого отдельного типа составляющих, т.е. играя схожую синтаксическую роль в разных составляющих, единицы различных лексических категорий, тем не менее, являются **разными вершинами**.

Поэтому, пытаясь установить вершину в именной группе, мы не будем выходить за рамки явлений, связанных с ИГ, т.е. аргументы типа "данный тест (не) работает на предложной (глагольной...) группе, поэтому (не) будет распространяться и на именную группу" не являются для нас убедительными.

Скорее мы будем руководствоваться иной логикой: "если в языке X в составляющих некоторого типа вершиной являются единицы категории А (глагол, существительное, определенное местоимение...), то естественно ожидать, что и в другом языке в данном типе составляющих вершиной будут представители той же категории". Такой ход рассуждений продиктован соображениями об универсальном устройстве мышления человека.

0.2.2. ВЕРШИНА И ЗАВИСИМОЕ: КРИТЕРИИ, ПОЗВОЛЯЮЩИЕ ОПРЕДЕЛИТЬ НАПРАВЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Понятие **Синтаксическая Вершина** (главное слово, синтаксический хозяин...) является принципиальным как для ученых, придерживающихся так называемой **Грамматики Зависимостей** (ГЗ), (развивавшейся в рамках европейской грамматической традиции и связанной в западной науке с именем Л. Тенбера), так и для исследователей, исповедующих принципы **Грамматики Составляющих** (ГС), провозглашенной американским лингвистом Н. Хомским в 50-х гг. XX-го века.

Отслеживая полемику сторонников разных синтаксических теорий, нельзя не заметить следующий парадоксальный факт: несмотря на все разнообразие мнений о том, что считать синтаксической вершиной, а что – зависимым, теоретические основания, на которых выделяется вершина, в значительной степени совпадают у лингвистов, работающих в различных научных парадигмах. Поэтому было бы разумно максимально "деидеологизировать" подход к проблеме синтаксической вершины и попытаться найти такие способы определения направления синтаксических отношений, которые были бы как можно ближе к языковому материалу и являлись бы равноприемлемыми для сторонников различных лингвистических теорий.

В восьмидесятых годах прошлого века благодаря полемике двух лингвистов, Арнольда Цвики и Ричарда Хадсона, проблема необходимости выделения в некоторой синтаксической составляющей вершины и зависимого стала одной из наиболее актуальных проблем современной синтаксической теории.

Если описать вкратце предварительные результаты (продолжающейся до сих пор) дискуссии по этому вопросу, то можно сказать, что основным выводом Цвики (см. [Zwicky 1985]), придерживающегося принципов ГС, стало утверждение о факультативности понятия синтаксической вершины. Хадсон [Hudson 1980a; 1980b], являющийся сторонником ГЗ, напротив, настаивает на первостепенности этого понятия и утверждает факультативность понятия составляющей. Мы не будем излишне углубляться в детали этой дискуссии, а воспользуемся лишь ее результатами, проявившимися в том, что синтаксическая теория получила целый ряд критериев, позволяющих устанавливать вершину и зависимое некоторой составляющей. Скажем лишь, что одним из результатов дискуссии было обсуждение данной проблематики в сборнике *Heads in grammatical theory* (Cambridge 1993) интересное для нас как благодаря ряду чисто теоретических работ [Cann 1993; Hudson 1993; Payne 1993; Radford 1993], так и по той причине, что в ней обсуждается интересующая нас проблема вершины в русской КГ (см. [Corbett 1993], а также [Payne 1993 : 135–138]). Итак, ниже мы перечислим критерии установления направления синтаксических отношений и примем соглашения о правилах применения этих критериев.

1. **Синтаксическое Управление** (Form Government в англоязычной традиции): **X Управляет Y-м**, если выбор грамматической формы Y-а определяется лексическими характеристиками X-а.

Примеры на синтаксическое управление очевидны: это определенное морфосинтаксическое оформление различных актантов при глаголах, сочетаемость русских предлогов с определенными падежными формами имени и т.п. Лексема, предписывающая выбор формы и считается синтаксической вершиной.

2. **Согласование** (Agreement, Concord): X является **Контролером Согласования** для Y-а, если: а) грамматическая форма X-а определяет выбор грамматической формы Y-а или б) X обладает некоторым лексическим признаком, который предписывает Y-у выбор одной из имеющихся у него грамматических форм².

Случай а) соответствует для русского языка согласованию прилагательного с именем в числе и падеже, а случай б) – в роде. В обоих случаях мы можем говорить о согласовании, так как и в а) и в б) имеет место выбор формы одного элемента в зависимости от некоторой характеристики (грамматической или лексической) другого. Контролер согласования в некоторой составляющей проявляет в ней вершинные свойства.

3. **Морфосинтаксический Центр** (Morphosyntactic Locus): Синтаксическая единица, являющаяся морфосинтаксическим центром некоторой составляющей, выражает все грамматические характеристики данной составляющей.

Хорошим примером морфосинтаксического центра является существительное в татарском языке, которое несет всю грамматическую информацию об именной группе в целом:

(4)

тат.

bu	žir-lär	kiñ	kır-lar-ga,	
этот	земля-PL	широкий	поле- <u>PL-DAT</u>	
jäŋel	bıñ-nar-ga	bik	baj	bul-a.
зеленый	луг- <u>PL-DAT</u>	очень	богатый	быть-ST.IPEV

Эти земли были очень богаты широкими полями, зелеными лугами.

Здесь все грамматические характеристики ИГ *широкие поля* и *зеленые луга* выражаются существительными, получающими показатели множественного числа и дательного падежа. Очевидно, что морфосинтаксический центр является кандидатом на то, чтобы считаться вершиной ИГ³.

4. **Субкатегоризация** (Subcategorization): если единицы категории А подразделяют единицы категории В на два или несколько подмножеств, то говорят, что А **субкатегоризует** В.

Классический пример субкатегоризации – подразделение глаголов на переходные и непереходные, осуществляемое посредством категории существительного. Используется же этот критерий, как можно догадаться, следующим образом: субкатегоризирующие единицы являются в некоторой синтаксической составляющей зависимыми по отношению к субкатегоризируемым.

5. **Обязательность Составляющей**: X является **Обязательной Составляющей** (Obligatory Constituency) в группе X + Y, если именно X определяет, является ли обязательным Y, а не наоборот.

Для русского языка очевидно, что в ИГ обязательной составляющей, и, следовательно, вершиной, является имя, а не (например) определенное местоимение (ср: *Папа принес эти книги* = *Папа принес книги* ≠ *Папа принес эти*), в группе глагола – собственно глагол (ср: *Петя ест суп* = *Петя ест* ≠ *Петя суп*) и т.д.

² Строго говоря, наше определение управления и согласования следовало бы уточнить и предписать в таких случаях не выбор одной из нескольких словоформ, а выбор одного из значений для некоторого признака, задающего словоформы, скажем, значения [Dat] падежного признака, как определяющего управление и согласование в примерах *радоваться летней грозе*, *летним грозам*; признак же числа в данном случае выбирается отдельными согласовательными правилами, которые также должны описываться похожим образом.

³ Данный критерий неприменим к языкам типа баскского, где все грамматические свойства ИГ оказываются выражены ее крайне правым элементом (см. ниже); скажем также, что (там, где они применимы) согласовательный критерий и критерий морфосинтаксического центра оказываются в языках мира в отношении дополнительного распределения.

6. **Дистрибуция: X – Дистрибутивный Эквивалент** (Distributional Equivalent) в которой составляющей $X + Y$, если X способен, а Y – не способен употребляться в тех же синтаксических контекстах, что и вся составляющая $X + Y$.

Так, дистрибутивным эквивалентом ИГ будет имя (а не, например, прилагательное, ср.: *Я купил хорошую книгу; Я купил книгу; ?Я купил хорошую*). Дистрибутивный критерий, как справедливо замечает Цвики, работает не для любых составляющих, например, для предложной группы его выбрать достаточно проблематично (им может являться, скажем, единица категории *Adv*, как это имеет место в случае *move towards those penguins – move towards*).

Важной оговоркой является то, что данный критерий применим лишь к так называемым эндоцентрическим конструкциям, т.е. конструкциям с ярко выраженным центральным элементом, каковыми являются, например, сочетания имен с прилагательными или глаголов с прямым объектом. По поводу эндоцентричности ИГ в случае, например, с модифицирующим имя демонстративом, у разных авторов возникают сомнения. Мы уклонимся здесь от обсуждения этой чрезвычайно сложной проблемы, отметив лишь, что тогда, когда речь не идет об эллиптических конструкциях (*принеси Пете тот карандаш, а мне – этот / *карандаш*) то, что ИГ "организуется" вокруг существительного кажется достаточно очевидным. Так, с точки зрения пропозиционального содержания высказывания *Эти яблоки лежали на земле* и *Яблоки лежали на земле* полностью совпадают, чего нельзя сказать о высказываниях *Эти яблоки лежали на земле* и *Эти лежали на земле (яблоки? люди? болванки?...)*.

Следующим является так называемый **Семантический Критерий** (Semantic Criterion):

7. Семантика составляющей в целом задается значением вершины, в то время как зависимое лишь конкретизирует это значение.

Так, например, в ИГ *черный кот* прилагательное лишь выделяет некоторое подмножество объектов (*черные коты*), тогда как сам тип объекта (*кот*) задается существительным. Как и в перечисленных выше случаях, этот критерий выполняется не для всех типов составляющих: например, далеко не так просто определить, какой из элементов (подлежащее или сказуемое) является семантической вершиной в составляющих типа *S*. Но, насколько мы можем судить, возможность распространения этого критерия на отношения между именем и его модификаторами не должна вызывать никаких возражений.

И, наконец, мы будем использовать еще один, вспомогательный критерий **Линейного Порядка** (Linear Ordering) внутри составляющей:

8. Зависимые некоторой вершины, близкие по семантическим и грамматическим свойствам, склонны соблюдать одинаковое линейное расположение по отношению к вершине.

Данный критерий, упоминавшийся еще Теньером и получивший более корректную интерпретацию в гринберговских универсалиях, приводится нами в более слабой (т.е. накладывающей менее строгие ограничения) формулировке – мы ожидаем лишь одинакового упорядочивания близких по семантике и функциям (в широком смысле) примененных модификаторов. Цвики и Хадсон (см. выше) апеллируют при иллюстрации этого принципа к работе Гринберга [Гринберг 1999], приведем и мы пример наиболее уместной в нашем случае универсалии:

Универсалия 17. Когда описательное прилагательное предшествует существительному, указательное местоимение и числительное в подавляющем большинстве случаев также предшествуют существительному.

Мы не будем включать критерий линейного порядка в число обязательных и будем обращаться к нему в тех случаях, когда он способен предоставить информацию, не выводимую из других критериев.

Все перечисленные выше критерии мы считаем целесообразным сгруппировать следующим образом: критерии 1–3 (**Синтаксического Управления, Согласования и Морфосинтаксического центра**) мы объединим под общим названием **Формальных Характеристик**. Данные критерии будут применяться как одно целое только в том случае, если все они одновременно определяют некоторый элемент как вершину, в остальных случаях будет уточняться значение каждой из формальных характеристик.

Далее, критерии 5–7 (т.е. **Обязательность Составляющей**, критерий **Дистрибутивного Эквивалента** и **Семантический Критерий**) мы будем рассматривать как единый **Семантический Критерий** по следующим причинам. По нашему убеждению, все три критерия основываются на представлении о существовании у синтаксической составляющей некоторого семантически обязательного, центрального элемента. "вокруг" которого организуется вся группа. Очевидно, что подобный элемент можно найти далеко не во всех составляющих, однако, как мы уже говорили, из-за того, что данное исследование ограничено лишь одним типом составляющих, именной группой, мы считаем правомерным делать заключения об условии применения того или иного критерия, имея в виду его адекватность прежде всего в контексте ИГ. А как было замечено выше, для ИГ существительное является **Обязательной Составляющей, Дистрибутивным Эквивалентом и Семантической Вершиной**, т.е. вершиной по всем трем пунктам семантического критерия.

Семантический критерий и критерии формальных характеристик будут рассмотрены и применены в 1-й и 2-й частях работы; кроме того, мы посвятим согласовательной категории числа отдельную, 4-ю часть нашего исследования. Критерий 5 (**Субкатегоризации**) мы выделим как самостоятельный и посвятим ему 3-ю часть данной работы. Результат применения всех критериев будет специально обсужден в части 5.

0.2.3. СОГЛАСОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ИГ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

В своем описании ИГ известный американский лингвист Т. Гивон (см. [Givon 1989]) выдвинул один весьма важный, по нашему мнению, принцип. Этот принцип, который Гивон назвал **Принципом Единообразия** (Uniformity principle) кратко можно изложить следующим образом: **Распространенная именная группа стремится уподобиться по своей структуре единичному имени.**

Данное свойство проявляется в том, что в распространенных ИГ действует ряд механизмов, которые придают им сходство с ИГ, состоящей из одного существительного. Одним из таких механизмов является согласование между элементами ИГ по релевантным для данного языка грамматическим категориям. Так, хорошим примером может служить русский язык, в котором обязательно согласование по роду / числу / падежу / одушевленности внутри ИГ, оформляющее всю ИГ как цельную синтаксическую составляющую. Ниже мы рассмотрим наиболее важные для нас случаи согласования грамматических характеристик.

Особый интерес будут вызывать у нас те случаи согласования признаков, при которых сам модификатор навязывает существительному некоторую грамматическую форму. В русском языке их можно продемонстрировать следующими примерами:

(5)

- а. *Все прочие явления жизни перестали его интересовать.*
- б. *Однако вскоре он, как и многие другие дворяне, вернулся на службу.*

(6)

- а. *У него было много собственных вещей.*
- б. *На экране медленно перемещались несколько ярких разноцветных точек.*

В примерах (5) семантика модификаторов такова, что они предписывают всей ИГ соотносении с более чем одним референтом, поэтому существительное в таких ИГ должно получать, в соответствии с правилами построения высказывания в русском языке, показатель множественного числа. Такой тип проверки соответствия признаков мы будем называть сопоставлением **Числа**.

В примерах (6) модификаторы также имплицитируют множественность референтов. Однако, кроме показателя множественного числа, данные ИГ получают (в позиции субъекта или прямого объекта) еще и показатель генитива. С чем же связано появление этого падежного показателя в данном случае? На наш взгляд, семантика Gen.PI в данном случае соответствует значению **выбора из некоторого множества объектов определенного типа**, ср: *Трудами многих из них восстанавливалась сожженная в 1812 году Москва*. Более подробно мы остановимся на этом признаке в части 1, здесь лишь заметим, что это грамматическое значение, которое мы будем называть **Партиitivом**⁴, точно так же, как и грамматическая категория числа имплицитирует процедуру сопоставления грамматических признаков.

Итак, резюмируем: для некоторых именных модификаторов (значение которых близко к значению грамматических категорий имени) в русском языке должна быть осуществлена проверка признаков **Числа** и **Партиitivности**. Важно отметить, что обе эти категории способны функционировать и в отсутствие модификаторов; это более чем очевидно для числа, но справедливо также и для партиitiva, ср: *В лесу грибов! Дай мне, пожалуйста, хлеба*. В случае появления модификаторов с соответствующей семантикой срабатывает обязательный механизм сопоставления признаков, ставящий в соответствие значения указанных выше категорий с семантикой модификаторов⁵.

1. СВОЙСТВА РУССКОЙ КГ И АНАЛИЗ ЕЕ СТРУКТУРЫ

1.1. ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА РУССКОЙ КГ

Рассмотрение проблем, связанных с русской КГ, мы начнем с изложения наиболее важных фактов, касающихся морфосинтаксических свойств русских числительных. Количественные числительные в русском языке разбиваются на несколько классов в зависимости от оформления их участия в ИГ. Свойства класса будут задаваться следующими параметрами: склонение числительного, склонение имени и склонение прилагательного, входящего в состав КГ. Несколько ниже мы рассмотрим также согласование глагола с КГ в субъектной позиции.

Класс 1. Состоит всего из одного числительного, которое по своим свойствам практически идентично прилагательным в составе ИГ, числительного *один* (плюс все так называемые "составные числительные", заканчивающиеся на *один*: *двадцать один*...). Заметим сразу, что такие свойства числительного *один* не являются особенностью русского языка, а распространены типологически достаточно широко. В русском языке это числительное согласуется с именем в падеже и роде, принимая (везде, кроме номинатива) окончания единственного числа адъективного склонения. Приведем парадигму ИГ с числительным *один* и прилагательным:

⁴ Данное значение выбора из множества элементов определенного типа является одной из реализаций партиитивной семантики.

⁵ Таким образом, в случаях *Он знает много языков / Он известен многим политикам* модификатор получает от имени падеж и предписывает ему форму множественного числа, и, в определенных контекстах, генитива (пример так называемого "взаимного подчинения" [Кибрик 1992]).

Грамматические свойства числительного *один* в русском языке

Case	Num	Adj	Noun
Nom	<i>одна</i>	<i>высокая</i>	<i>береза</i>
Acc	<i>одну</i>	<i>высокую</i>	<i>березу</i>
Gen	<i>одной</i>	<i>высокой</i>	<i>березы</i>
Dat	<i>одной</i>	<i>высокой</i>	<i>березе</i>
Inst	<i>одной</i>	<i>высокой</i>	<i>березой</i>
Loc	<i>одной</i>	<i>высокой</i>	<i>березе</i>

Как можно заметить, данное числительное действительно по своим поверхностно-синтаксическим свойствам объединяется с прилагательными.

Класс 2 В него входят так называемые "малые" числительные: *два, три, четыре* (иногда к ним добавляют также числительные *пол* и *полтора*, мы будем подразумевать их, но в основном опираться на свойства числительных *два, три, четыре* и, соответственно, всех составных числительных, где *два, три, четыре* являются крайним правым элементом). Их отличает ряд особенностей при образовании КГ: они требуют от имени Gen.Sg в позиции подлежащего, согласуются с именем в косвенных падежах, а в позиции прямого дополнения выбирают флексию в зависимости от одушевленности существительного (в следующем пункте мы специально остановимся на особенностях маркирования КГ в роли прямого объекта). Прилагательное в КГ с малыми числительными всегда стоит во множественном числе. В номинативе оно принимает форму: либо (чаще всего) Gen.Pl, либо, реже (и это наиболее характерно для ИГ с существительными женского рода), – Nom.Pl. В косвенных падежах прилагательное согласуется с именем в падеже, а в аккузативе принимает падеж в зависимости от одушевленности имени.

Еще одно свойство, наблюдаемое у одного из "малых" (далее – без кавычек) числительных, а именно – у числительного *два* – его способность различать род в номинативе / аккузативе. Это свойство, так же, как и в случае числительного *один*, свидетельствует о близости лексемы к прилагательным.

Таблица 3

Грамматические свойства малых числительных в русском языке

Case	Num	Adj	Noun
Nom	<i>две</i>	<i>высоких/ие</i>	<i>березы</i>
Acc	<i>две</i>	<i>высоких/ие</i>	<i>березы</i>
Gen	<i>двух</i>	<i>высоких</i>	<i>берез</i>
Dat	<i>двум</i>	<i>высоким</i>	<i>березам</i>
Ins	<i>двумя</i>	<i>высокими</i>	<i>березами</i>
Loc	<i>двух</i>	<i>высоких</i>	<i>березах</i>

Класс 3 Включает так называемые "большие" (далее – без кавычек) числительные. К ним относятся: числительные от *пяти* до *десяти*, от *одиннадцати* до *девятнадцати* и обозначения десятков и сотен (сюда могут быть также включены лексемы *много, несколько* и некоторые другие). Для них характерна более строгая модель морфосинтаксического поведения, чем для малых числительных.

Грамматические свойства больших числительных в русском языке

Case	Num	Adj	Noun
Nom	пять	высоких	берез
Acc	пять	высоких	берез
Gen	пяти	высоких	берез
Dat	пяти	высоким	березам
Ins	пятью	высокими	березами
Loc	пяти	высоких	березах

В номинативе и аккузативе как имя, так и прилагательное получают, независимо от одушевленности, показатель, "навязываемый" числительным, Gen.PI, в остальных падежах налицо согласование в падеже и числе между элементами КГ.

Класс 4. В этот класс входят такие слова, как *тысяча, миллион, миллиард*, которые фактически являются существительными, как видно из приведенной ниже таблицы. Такая ситуация также чрезвычайно распространена в языках мира. В русском языке, однако, есть альтернативная возможность маркирования имени в косвенных падежах не генитивом множественного, а собственно показателями косвенных падежей, как это имеет место для числительных классов 1–3 (см. выше), ср:

(7)

a Герой с тысячью лицами миф, архетип

b Меня хотят убить тысячью смертями

Такие случаи достаточно редки, но все-таки встречаются (примеры взяты из реальных текстов). Можно сказать, что данные лексемы маргинально проявляют некоторые свойства числительных. Приведем теперь парадигму для таких количественных слов:

Таблица 5

Грамматические свойства числительных *тысяча, миллион, миллиард* в русском языке

Case	Num	Adj	Noun
Nom	тысяча	молодых	москвичей
Acc	тысячу	молодых	москвичей
Gen	тысячи	молодых	москвичей
Dat	тысяче	молодых/?ым	москвичей/?ам
Inst	тысячью	молодых/?ыми	москвичей/?ами
Loc	тысяче	молодых/?ых	москвичей/?ах
Nom	тысячи	молодых	москвичей
Acc	тысячи	молодых	москвичей
Gen	тысяч	молодых	москвичей
Dat	тысячам	молодых	москвичей
Ins	тысячами	молодых	москвичей
Loc	тысячах	молодых	москвичей

Итак, основным объектом нашего внимания будут числительные классов 2 и 3 как наиболее характерные представители класса числительных в целом. В тех случаях, когда внешним падежом являются номинатив (класс 2) или номинатив и аккузатив

(класс 3), существительные в КГ стоят в родительном падеже, при этом у малых числительных это Gen.Sg, а у больших – Gen.Pl. По поводу генитива множественного не возникает никаких вопросов: его последовательно принимают как имена, так и прилагательные, и он в данном случае имеет совершенно естественную семантическую мотивацию, связанную с выражением значения "часть множества объектов" (подробно речь об этом пойдет ниже). Генитив же единственного (в номинативе и аккузативе) при малых числительных выглядит достаточно странно: во-первых, удивляет единственное число имени, не соответствующее значению, выражаемому числительным; во-вторых, прилагательное в такой конструкции всегда стоит во множественном, т.е. налицо опять-таки довольно странное рассогласование прилагательного с именем в числе; наконец, существуют односложные имена, например, *шаг*, *ряд*... для которых форма, употребляемая с малыми числительными, и форма родительного единственного отличаются местом постановки ударения (ср: *два шага́!* Но: *без ша́га*). Все эти факты позволяют усомниться в том, что перед нами действительно форма Gen.Sg.

Беглого взгляда на факты истории русского языка оказывается достаточно, чтобы определить источники данной формы. Окончание *-а/-я* являлось твердой и мягкой разновидностью окончания Nom / Acc.Du так называемого *δ*-склонения. Оно употреблялось, таким образом, с числительным *два* в номинативе и аккузативе. Далее, так как *два* является гораздо более частотной лексемой, данную флексию стали получать существительные в позиции подлежащего и прямого дополнения в контексте числительных *три* и *четыре*, которые ранее также, как и *два*, согласовывались с именем. Так как изначально данное окончание у *δ*-склонения совпадало с формой генитива единственного числа, то эта модель распространилась и на другие склонения. Данный процесс "поддерживался" тем, что большие числительные также присоединяли генитив, но только множественный.

Таким образом, форма имени при малых числительных для номинатива и аккузатива является бывшей формой дуалиса, поэтому она и обладает имплицитной множественной семантикой и вызывает согласование по множественному числу. Можно сказать, что форма Gen.Sg выполняет те же функции при малых числительных, что и форма Gen.Pl при больших, а весьма странный факт выбора генитива единственного числа для осуществления этих функций объясняется чисто диахроническими причинами.

В отношении глагольного согласования малые и большие числительные проявляют приблизительно одинаковые свойства: они допускают форму множественного числа (3-го лица в настоящем и будущем времени) или единственного (средний род в прошедшем, 3-е лицо в настоящем и будущем):

(8)

По улице прошли / прошло два кота; пять котов.

Каждую секунду по улице проезжают / проезжает две машины; пять машин.

Каждую секунду по улице будут / будет проезжать две машины; пять машин.

Объяснение причин употребления формы единственного числа будет предложено после рассмотрения наиболее важных для нас вариантов анализа КГ.

1.2. АНАЛИЗ КГ РУССКОГО ЯЗЫКА

В данном пункте мы рассмотрим наиболее важные для нас работы, посвященные русской КГ (список литературы по данному вопросу чрезвычайно велик, см., например, библиографию в [Corbett 1993]), и предложим свое решение проблемы выбора вершины в КГ, во многом базирующееся на наиболее удачных с нашей точки зрения решениях предыдущих исследователей.

В своей книге [Мельчук 1985] И.А. Мельчук предлагает подробный анализ свойств русской КГ, основанный на формализме, принятом в модели "СМЫСЛ-ТЕКСТ".

Работа посвящена одному вопросу – установлению направления синтаксических отношений в русской КГ. Основным результатом осуществленного автором анализа можно считать следующий:

"В русской Конструкции Num + S поверхностно-синтаксическим хозяином во всех случаях является существительное, а числительное следует считать синтаксически зависимым (т.е. модификатором, или поясняющим словом)".

Основанием к подобному утверждению служит для Мельчука, прежде всего, следующее свойство русских КГ.

"1. ПС-распределение конструкции Num + S.

Главное соображение в пользу решения Num $\leftarrow$ S состоит в следующем: по своим возможным поверхностно-синтаксическим ролям в высказывании, т.е. по своим пассивным ПС-валентностям, конструкция Num $\leftarrow$ S практически идентична S и сильно отличается от Num. (...)".

Несложно понять, что здесь используется критерий **Дистрибутивного Эквивалента**, т.е., если придерживаться более корректного подхода к определению вершины, можно переформулировать утверждение автора следующим образом: "**Семантической Вершиной** русской КГ является существительное". Однако такой результат нельзя считать вполне удовлетворительным, так как для того, чтобы дать полную характеристику некоторой синтаксической составляющей, необходимо применить все возможные в данном случае критерии синтаксической зависимости, а доказательство Мельчука, несмотря на осуществленный им детальный разбор русской КГ, опирается в основном лишь на один упомянутый выше критерий.

Другой подход к русской КГ предложил Г. Корбетт в работе [Corbett 1993]. По мнению Корбетта, русские числительные представляют собой шкалу с точки зрения их синтаксических свойств, на одном конце которой – числительное *один*, являющееся, по сути, прилагательным, на другом – *миллион*, обладающее свойствами существительного. Остальные попадают между этими двумя полюсами. Такая ситуация достаточно характерна для языков мира: "меньшие" числительные склонны объединяться с прилагательными, "большие" – с именами.

Статья посвящена свойствам "наиболее сложных" из русских числительных: *два*, *три*, *четыре*. Автор применяет к КГ с этим числительными (такой, как, например, *два журнала*) все критерии синтаксической зависимости, предложенные Хадсоном и Цвики (см. выше).

Результаты этого анализа можно вкратце описать следующим образом: семантической вершиной в русской КГ является существительное; числительное субкатегоризуется именем; скорее числительное, чем имя является морфосинтаксическим центром; числительное управляет именем; числительное – мишень, а имя – контролер согласования (Корбетт при этом замечает, что такая направленность согласования не обязательно является свидетельством вершинности имени, приводя в пример согласование глагола с подлежащим); дистрибутивным эквивалентом не может быть признано ни числительное, ни существительное; то же – с определением обязательной составляющей. Таким образом, как показывает автор, если придерживаться подхода Цвики, то можно считать вершиной оба элемента (или ни один из двух элементов), если же исповедовать методологию Хадсона, то вершиной необходимо признать числительное.

Для того чтобы разрешить такую многовариантность анализа, Корбетт прибегает к еще одному вспомогательному средству. Он осуществляет анализ КГ, включающих в свой состав третий дополнительный элемент, а именно – определенное местоимение или прилагательное. Анализируя ИГ *эти две книги* и *две интересные книги* / *две интересных книги*, он делает вывод, что именно числительное диктует выбор падежной формы определенного местоимения и прилагательного и, следовательно, является вершиной КГ.

Асимметрию использования разных способов падежного маркирования в разных синтаксических контекстах Корбетт объясняет более важной синтаксической ролью прямых падежей по сравнению с косвенными: в то время как числительное, проявляя свои вершинные свойства, навязывает определенный падеж в позиции субъекта и прямого объекта, в косвенных падежах, находящихся ниже в падежной иерархии, этого не происходит и числительное управляет не особым падежом, а теми падежами, которые существуют и вне КГ.

Недостатком предлагаемого Корбеттом анализа можно считать отсутствие семантической (или какой-нибудь другой) мотивации для Gen.PI в прямых падежах, природа этого родительного так и остается за рамками данного исследования.

Особого внимания заслуживает анализ русской ИГ, предпринятый Л. Бэбби (см. [Babby 1987], а также анализ количественных конструкций с партитивом в [Babby 1985]). Мы постараемся предельно сжато изложить взгляды данного автора на КГ русского языка (что само по себе является непростой задачей, так как на базе материала русской КГ Л. Бэбби разработал свою версию падежной теории).

Как показал Бэбби, генитив (как множественного, так и единственного числа) связан в русском языке с выражением партитивного значения⁶ (автор пользуется введенным им обозначением QR, группа квантификатора, мы же будем придерживаться традиционного термина "партитив"). Более того, как показано в [Babby 1985], предложные партитивные конструкции в русском языке как раз оказываются ограничены прямыми падежами:

(9)

Nom: *От Теплового Сырта до Старой Базы по прямой было около шести(Gen) километров.*

Acc: *Они прошли около шести(Gen) километров.*

!No:

Dat: *Подарки были розданы (*около) трем тысячам детей (Около трех тысяч детей получили подарки).*

Ins: *Он был пожалован званием и (*около) пятьюдесятью рублями (Ему было пожаловано звание и около пятидесяти рублей).*

Те же свойства партитива сохраняются и в случаях, когда партитивное значение выражается не при помощи предлогов *около, полно, до...*, а посредством только лишь морфологического падежа:

(10)

Nom: *Еды(Gen) и сигарет(Gen) у них оставалось только на два дня.*

Acc: *Сашенька захватила с собою зерен(Gen) и цветок традесканции, чтобы покормить иегла.*

И точно так же, как предложный партитив, морфологически самостоятельный партитив невозможен в косвенных падежах (ср: **Они запаслись хлеба, !No: Они запаслись хлебом; Они запасли хлеба*). Заметим также, что так называемый генитив отрицания в русском и приглагольный генитив, например, у глагола *лишиться*, имеет также своим диахроническим источником употребление партитива. Таким образом, то, что партитивная семантика в русском выражается при помощи генитива – более чем очевидно.

Мы склонны считать, что числительные в русском имеют согласовательный признак партитивности. В прямых падежах, таким образом, возникает падежный конфликт между генитивом с одной стороны и номинативом / аккузативом – с другой. Конфликт разрешается в пользу партитивного генитива, т.к. (см. [Babby 1987])

⁶ Множественное число употребляется при исчисляемых объектах, единственное – при неисчисляемых, см. примеры ниже.

генитив является "внутренним" падежом КГ и оказывается в приоритетном положении по сравнению с "внешними" номинативом и аккузативом, которые предписываются именной группе синтаксической структурой всей предикации. В случае же косвенных падежей, где партитивные значения не могут быть выражены, падежный конфликт фактически отсутствует.

Тот факт, что выражение партитива, как при самостоятельном или предложном употреблении, так и в КГ, ограничено прямыми падежами, может интерпретироваться по-разному в зависимости от того, какой лингвистической традиции придерживается исследователь. Корбетт говорит здесь о действии падежной иерархии, ученые, работающие в рамках генеративной парадигмы – о разном статусе падежей в языке (семантические, лексические и структурные падежи Бэбби, структурные и ингерентные падежи современных генеративистов). Как нам кажется, это расхождение – лишь расхождение в терминологии и не более; важно то, что прямые падежи действительно имеют некоторый выделенный, привилегированный статус, как это явствует и из типологических исследований, и из работ по формальной теории синтаксиса⁷.

Подведем итоги. Бесспорным достижением Бэбби явилось то, что он показал, что имя в КГ может быть проанализировано не только как семантическая вершина, но и как вершина с точки зрения формальных характеристик, т.е., поверхностного синтаксиса. Более того, ему успешно удалось семантически мотивировать свой вариант анализа: отклонения в аккузативе и генитиве, связанные с появлением родительного падежа (Gen.Sg для малых числительных или Gen.Pl для больших), вызваны, прежде всего, выражением так называемого значения партитивности.

Скажем несколько слов о числовом согласовании русской КГ. Что касается глагольного согласования КГ в субъектной позиции, то здесь существуют две стратегии: либо глагол принимает форму среднего рода единственного числа, либо он стоит в форме множественного. Первая стратегия вызвана как раз формой партитивного генитива у существительных. Как и во многих других случаях, когда имя в позиции субъекта стоит не в номинативе (ср., например: *Мне было жаль тебя*; *С каждого дерева упало по груше* и т.п.), выбирается "дефолтная" стратегия (Neut.Sg в прошедшем времени или 3.Sg в настоящем):

(11)

а. *На поле боя осталось три танка.*

б. *Потом обнаружили, что в него попал шесть пуль.*

(Та же стратегия дефолтного согласования имеет место и с другими употреблениями партитива: *Здесь тоже было полно запахов*, *Прошлым летом в лесу грибов было!*)

Оформление глагола показателем множественного числа (*Пришли семь человек* и т.п.) мы склонны анализировать как результат влияния грамматических характеристик числительного на КГ в целом. Подобно тому, как числительные предписывают имени генитив, они предписывают КГ плюралистскую трактовку, вызывая тем самым плюралистское согласование глагола. Можно сказать, что контролером согласования в таком случае является числительное.

Вследствие того, что числительное предписывает плюралистскую трактовку существительному (в том числе и в КГ с малыми числительными в субъектной позиции, см. пункт 1.1), оно должно считаться контролером числового согласования по отношению к имени. Далее, множественная семантика последнего имплицитно согласование по множественному числу у прилагательных, т.е. в этом случае контролером согласования следует считать существительное⁸.

⁷ Чрезвычайно интересной и во многом обобщающей взгляды Бэбби является работа [Исакадзе 1999].

⁸ Похожих взглядов на числовое согласование КГ придерживается Г. Корбетт, см. ссылку выше.

Итак, наш вывод по поводу особых форм существительных, поверхностно реализующихся как генитив, будет следующим: данный показатель является особым маркером партитива, который, в соответствии с правилом Сопоставления Признаков, необходим в контексте некоторых модификаторов с количественной семантикой, в т.ч. – числительных. Сопоставление числительного и имени по признаку Партитивности в КГ отличается от сопоставления по Числу лишь в одном – по сравнению с числом, проявляющимся во всех падежах, партитив релевантен лишь для номинатива и аккузатива.

Обсудим теперь некоторые различия свойств малых и больших числительных. Основная проблема связана с морфологическим маркированием КГ в позиции прямого объекта. Так как данная синтаксическая позиция в русском обязательно должна содержать информацию об одушевленности объекта, в случае КГ возникает ситуация конкуренции двух признаков: семантического признака одушевленности и согласовательного признака партитивности. Проанализируем, как решается данный конфликт в случае малых и больших числительных.

В обоих случаях, и при выражении одушевленности (одушевленные ИГ кодируются показателем генитива, а неодушевленные – номинатива), и при выражении партитивности, кодирование происходит при помощи одних и тех же средств, а именно, морфологического падежа. Главным вопросом, таким образом, является то, который из двух признаков выбирается для кодирования: одушевленность или партитивность. Когда мы имеем дело с малыми числительными, налицо следующая ситуация:

(12)

Acc (Anim): Gen.Pl (= *двух мальчиков* = (Gen) *без двух мальчиков*)

Acc (Inanim): Gen.Sg (= *два стола* = (Nom) *два стола*)

Т.е., "побеждает" признак одушевленности (иначе мы имели бы: **Я увидел два мальчика*). При этом важно, что форма генитива/номинатива выбирается не отдельно для имени и числительного, а для всей КГ в целом, т.е. вся КГ принимает ту форму, которую она имеет в генитивном контексте или в позиции субъекта (в противном случае имело бы место: **Я увидел два стола*). В этом проявляется свойство **Единообразия** ИГ (и КГ как одного из типов ИГ), см. выше.

В случае больших числительных ситуация иная:

(13)

Acc (Anim): Gen.Pl (= *пять мальчиков* ≠ (Gen) *без пяти мальчиков*)

Acc (Inanim): Gen.Pl (= *пять столов* = (Nom) *пять столов*)

Исходя из формы числительного (подчеркнуто) можно сказать, что здесь конфликт разрешается в пользу выражения партитивности (иначе было бы: *Я увидел пяти мальчиков*).

Итак, в позиции прямого объекта при малых числительных употребляется (в зависимости от одушевленности) Gen / Nom существительного, а при больших – Gen существительного, как результат внутреннего согласования ИГ по признаку партитивности. Причины, по которым имеет место такая непоследовательность в употреблении числительных, можно отнести на счет двух факторов: диахронического и функционального. Первый из них, из-за чрезвычайной сложности материала, обсуждать мы не будем, скажем немного о втором. Как нам кажется, основная функциональная причина заключается в том, что в случае малых числительных более важной является информация об одушевленности объектов, тогда как в случае больших важнее оказывается партитивность.

Далее, если обратить внимание на форму прилагательных, употребляющихся в КГ с малыми числительными, можно заметить, что падежной флексии Gen.Sg имени соответствуют два окончания прилагательного: Gen.Pl всех трех родов и Nom.Pl женского рода, ср:

(14)

*На столе стояли(о) два прозрачных(*е) стакана / два прозрачных (*е) блюда / две прозрачных(е) вазы.*

Чтобы подытожить обсуждение особенностей употребления малых числительных, необходимо отметить, что генитивное маркирование развилось у них фактически лишь в субъектной позиции. Более того, и в подлежащих КГ прилагательные могут согласовываться с именами женского рода по номинативу (см. последний пример). Таким образом, процесс выравнивания парадигм малых и больших числительных нельзя считать окончательно завершенным.

В заключение приведем результаты тестирования русской КГ по семантическому критерию и критерию формальных характеристик:

Таблица 6

Применение критериев установления вершины к русской КГ

	Num	Noun
Семантический Критерий	–	+
Формальные Характеристики:		
Управляющая Лексема	+	–
Контролер Согласования	+	+
	(число, партитив)	(род, число, падеж)
Морфосинтаксический Центр	–	+
		(падеж)

Если контролером согласования в случае разных категорий являются как имя, так и числительное, то морфосинтаксическим центром мы должны признать скорее имя: оно принимает падежные характеристики всей ИГ (получающие особое выражение в номинативе и аккузативе) и контролирует "внешнее" согласование в роде как, например, в случаях: *Две девушки, каждая с цветком в руке, мило беседовали.*

Итак, в случае современного русского возможен гармоничный анализ существительного в составе КГ как семантической и синтаксической вершины. Как мы увидим ниже, для древнерусского языка попытки подобного анализа оказываются тщетными.

1.3. КГ В ДРЕВНЕРУССКОМ

Дифференциация синтаксических свойств малых и больших числительных в древнерусском была гораздо более существенной (см. по данному вопросу [Иванов 1983]). Малые числительные (от *одного* до *четырех*) по своим морфосинтаксическим свойствам совпадали с прилагательными: они согласовывались с именем в роде, падеже и числе (вернее, для *один* всегда выбиралась флексия единственного, для *два* – двойственного, для *три*, *четыре* – множественного). При этом число имени выбиралось точно так же: единственное – для *один*, двойственное – для *двух*, множественное – в случае *трех* и *четырех*. Числительные от *пяти* до *десяти*, напротив, объединялись с именами: все они принадлежали к женскому роду, изменялись по числам и присоединяли имя в Gen.Pl (ср. современные русские *четверка велосипедистов, десяток лиц...*). Более того, они могли иметь при себе определение и контролировали глагольное согласование в роде и числе, например:

(15)

древнерусск.

та	третья	пять
тот:f.Nom.Sg	третий:f.Nom.Sg	пять
молодых	конь	пришла.
молодой:Gen.Pl	конь:Gen.Pl	приходить:Pst.F.Nom.Sg

~ те третьи пять молодых коней пришли

(Здесь мы не следуем точной древнерусской графике, а передаем лишь "транскрипцию" древнерусского языка при помощи букв современного языка.)

С ситуацией последовательного маркирования имени генетивом в КГ мы еще встретимся (например, в литовском языке), пока же отметим следующее. Очевидно, что числительных как отдельной грамматической категории в древнерусском языке не было: одни числительные объединялись по своим свойствам с прилагательными, другие – с именами. Морфосинтаксическое поведение малых числительных в древнерусском, как мы увидим ниже, не является экзотическим и не представляет особых проблем для анализа. Более сложным материалом в этом отношении являются числительные от *пяти* до *десяти*. Для того чтобы объяснить поверхностно-синтаксические свойства таких числительных в рамках принятой нами модели, а также для того, чтобы установить причину выбора генитивной стратегии при построении КГ (а такая стратегия, как будет показано ниже, отнюдь не является исключительно особенностью русского), нам будет необходимо рассмотреть более широкий типологический материал и более подробно ознакомиться со способами выражения количественной семантики в именных группах различных языков. Закончим же мы обсуждение синхронии и диахронии русской КГ сводной таблицей результатов применения семантических и формальных критериев направления синтаксических отношений с большими числительными в древнерусском языке:

Таблица 7

КГ в древнерусском языке

	Num	Noun
Семантический Критерий	–	+
Формальные Характеристики:		
Управляющая Лексема	+	–
Контролер Согласования	+	+
	(род, число, падеж)	(род, число, падеж)
Морфосинтаксический Центр	+	–
	(род, число, падеж)	

2. ТИПОЛОГИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ

2.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ИССЛЕДУЕМОГО ОБЪЕКТА

Прежде чем перейти к построению типологии количественной группы, сделаем необходимые оговорки относительно объекта предстоящего исследования. Во-первых, как говорилось во Введении, мы не будем уделять внимания типу счетной системы в языке. Во-вторых, как мы уже указывали при обсуждении русского материала, существует общая для всех языков (но, естественно, реализующаяся далеко не в каждом из них) тенденция оформлять "низшие" числительные (ср. русское *один, два...*) как прилагательные, а "высшие" – как имена (ср.: *тысяча, миллион...*). Кроме того, числительное *один* часто (если не всегда) обладает особым статусом, например, кроме собственно счетных функций оно может использоваться как неопределенное местоимение, в интродуктивной функции и т.д. К тому же есть еще одно, насколько нам известно, типологически универсальное, отличие этого числительного от остальных: в то время как все прочие числительные имплицитно множественность референтов, что выражается поверхностно в появлении показателя двойственного или множественного числа, числительное *один* вводит единичного участника и не требует, таким образом, никаких показателей множественности. И, наконец, в-третьих, существует, насколько нам известно, еще одно универсальное свойство числительных во всех языках: составные числительные, например, русское

двадцать один, двадцать два, двадцать три... и т.д. сохраняют те же морфосинтаксические свойства, что и малые числительные, которые входят в их состав, т.е. один, два, три... (оговоримся, что это, опять-таки, не всегда справедливо для составных числительных с *один*, которые могут имплицировать появление показателя множественности референтов).

В соответствии с перечисленными особенностями числительных, при построении типологии КГ мы будем рассматривать прежде всего морфосинтаксические свойства именных групп с количественными числительными от *двух* до *десяти*, и, иногда – от *одиннадцати* до *девятинадцати*.

Всего в нашу выборку вошло 28 языков из 16 языковых групп и 4 языка-изолята: английский (германские), русский, чешский, болгарский (славянские), литовский (балтийские), армянский (изолят), санскрит, хинди (индийские), персидский, язгулямский, осетинский (иранские), баскский (изолят), малаялам, тамильский (дравидийские), финский (финно-угорские), татарский (тюркские), бурятский (бурято-монгольские), цахурский, багвалинский (нахско-дагестанские), суахили (банту), корякский (чукотскокамчатские), эскимосский (эскалеутские), ассирийский, арабский (семитские), индонезийский (австронезийские), м'юнг (австроазиатские), нивхский (изолят) и японский (изолят)⁹.

2.2. ПОСТРОЕНИЕ ТИПОЛОГИИ

2.2.1. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ КАК ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Наиболее распространенным по нашим сведениям типом КГ является такая КГ, в которой морфосинтаксические свойства числительных совпадают со свойствами прилагательных в составе ИГ (здесь мы не рассматриваем такое свойство числительных, как их способность предписывать именам показатель множественного числа, этот вопрос будет специально обсужден ниже). Данная ситуация имеет место в следующих рассмотренных нами языках: английский, армянский, санскрит, хинди, малаялам, тамильский, татарский, бурятский, цахурский, багвалинский, суахили, корякский, эскимосский.

Данный класс КГ в зависимости от свойств языка разбивается на два подтипа. Первый подтип включает такие языки, где согласование между элементами ИГ отсутствует (или существует для очень ограниченного круга модификаторов). Ко второму относятся языки, в которых модификаторы ИГ согласуются с именем. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Подтип А. Характерными представителями этого подтипа являются, например, татарский¹⁰ и армянский¹¹ языки. Приведем примеры:

(16)

тат.

ul	dürt	keçken	bala-ka	bülek	it-te.
он	четыре	маленький	ребенок-Dat	подарок	сделал

Он четырем маленьким детям подарок сделал.

(17)

арм.

ahčik-ə	jerku	phokhr	khothot-ner-i-n	kath	tvec.
девочка-Def	два	маленький	щенок-Pl-Dat-Def	молоко	дала

Девочка дала молока двум маленьким щенкам.

⁹ Библиография к языкам указана в Приложении.

¹⁰ Для татарского языка будут приводиться данные одного из его диалектов, мишарского.

¹¹ Говоря об армянском, мы будем иметь в виду его южные диалекты.

Как мы видим, в этих двух языках КГ образуется простым соединением элементов (порядок в обоих случаях Num_Adj_N), не сопровождающимся дублированием падежных показателей (в обоих случаях – дательного падежа) на модификаторах. Такие же правила используются при образовании КГ в дравидийских языках, так, приведенная ниже КГ из языка малаялам, стоит в аккумулятивном контексте (*Он поймал двух рыб*):

(18)

малаялам
 gaNTu matsya-ŋŋaL-e
 два рыба-Pl-Acc
двух рыб

Похожая ситуация обнаруживается в английском языке, где только имя способно принимать маркер множественного числа. Из рассмотренных нами языков к данному типу относятся также бурятский и корякский. Несколько отличается ситуация в багвалинском языке, где прилагательные имеют согласовательные маркеры класса и числа, а числительные – нет:

(19)

багв.
 hab-da bercina=j jaš b=c:r=o ek'a.
 три-Card красивый=F девушка H.Pl=приходить=H.Pl=Conv есть
Пришли три красивые девушки.

Тем не менее, КГ, подобные багвалинским, мы также будем относить к подтипу А по причине отсутствия у числительных согласовательных характеристик числа, класса, падежа и т.п.

Подтип В. Для него, как мы уже говорили, характерно согласование числительных с именем по той же грамматической модели (и, как правило, при помощи тех же формальных показателей), которая существует для прилагательных. Продемонстрируем этот тип КГ на примерах из эскимосского и цахурского языков:

(20)

эск.
 anjak usiquq tajima-nŋŋ mŋkŋstayaR-nŋŋ mŋkŋlRiR-nŋŋ.
 байдара наполняется пять-Ins.Pl маленький-Ins.Pl мальчик-Ins.Pl
Пять маленьких мальчиков помещается в байдаре.

Как можно понять из эскимосского примера, числительное, прилагательное и имя маркируются одинаковыми показателями падежа и числа. Похожая ситуация имела место в санскрите и в крайне упрощенном виде существует в его современном наследнике – хинди.

(21)

цах.
 xoŋ=j=ge moIʔkam-in adam-ê-r il,o=b=zur-o=b.
 пять=1=CARD сильный-1.Pl человек-Pl-Nom.Pl стоят
Пять сильных мужчин стоят.

В цахурском языке числительные, как и прилагательные, согласуются с именем по классу (первый, "мужской" класс в нашем примере), но при этом всегда принимают показатель единственного числа. В этом языке также существует согласование числительных и прилагательных с именем по падежу: прямой / косвенный.

Отдельного разговора заслуживают языки банту, которые представлены в нашей выборке суахили. Как известно, в этих языках существует так называемая именная

классификация, т.е. каждое существительное относится к определенному именному (лексическому) классу, что выражается грамматически в маркировании показателями класса имени и согласовании по классу между именем и прилагательным (а также именем и глаголом):

(22)

суах.

wa-alimu w-ema wa-pane.

2-учитель 2-хороший 2-восемь

восемь хороших учителей.

В данном примере вся ИГ целиком получает показатели второго, плюралистического класса. Основное отличие именных классов в суахили от классов, например, в дагестанских языках состоит в большей детализации именной лексики (в суахили насчитывается около 16 классов), в остальном же ситуация чрезвычайно схожая.

Подытоживая разговор о таких языках, в которых числительные обладают общими свойствами с прилагательными, надо сказать, что подобная ситуация часто бывает характерна не для всех числительных, а лишь для определенного их подкласса. Гринберг [Greenberg 1978] указывает (и это подтверждается нашими данными), что, если в языке есть две модели морфосинтаксических свойств числительных, то адъективные свойства присущи меньшим (арифметически) числительным, а именные – большим (ср. русские *один, два*, согласующиеся с существительными в роде, с остальными числительными, а также ситуацию в литовском, см. ниже).

В заключение приведем две таблицы, отражающие результаты применения формальных и семантических критериев для обоих подтипов языков с числительными адъективной модели:

Таблица 8

Числительные как прилагательные. Подтип А

	Num	Noun
Семантический Критерий	–	+
Формальные Характеристики:		
Управляющая Лексема	–	–
Контролер Согласования	–	–
Морфосинтаксический Центр	–	+

Таблица 9

Числительные как прилагательные. Подтип В

	Num	Noun
Семантический Критерий	–	+
Формальные Характеристики:		
Управляющая Лексема	–	–
Контролер Согласования	–	+
Морфосинтаксический Центр	+	+

Как видно из таблиц, в обоих случаях применение семантических и формальных критериев способно дать гармоничный анализ, при котором имя является как семантической, так и синтаксической вершиной.

2.2.2. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ КАК СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Данный пункт посвящен рассмотрению тех языков, где, как, например, в русском, числительные проявляют те же свойства, что и существительные, т.е. присоединяют имена в генитивной форме. Мы будем называть такую стратегию образования КГ субстантивной, отдавая себе отчет в известной условности такой терминологии. Как мы уже говорили, наиболее распространенной является адъективная стратегия образования КГ. Языки, придерживающиеся субстантивной стратегии, встречаются гораздо реже, и, как правило, совмещают адъективную и субстантивную стратегии, что будет подробнее обсуждено в пункте 2.2.5 (отметим, что "чисто субстантивных" языков нам не известно).

Итак, генитивная стратегия маркирования КГ не является уникальной особенностью русского языка. Как становится понятно при более широком знакомстве с материалом близкородственных языков, нестандартные (по сравнению с другими модификаторами) свойства демонстрируют числительные во всех славянских языках. Кроме русского в сферу нашего внимания попали еще два языка славянской группы, чешский и болгарский. Опишем вкратце КГ в этих двух языках.

КГ группа в чешском напоминает КГ в древнерусском (и, естественно, праславянском) и современном русском языках одновременно. Чешские числительные от *двух* до *четырёх* (как и в древнерусском) согласуются с именем в падеже и роде. Большие (от *пяти* до *десяти*) числительные в чешском, как и в современном русском, управляют формой Gen.Pl в прямых падежах и согласуются с именем в косвенных.

Несколько более необычная ситуация в болгарском языке. В современном болгарском падежная система практически исчезла, оставив после себя "странное" наследие. Оно заключается в том, что для образования КГ с существительными мужского рода употребляется особая именная форма, образуемая при помощи флексии *-а/-я*. Эта флексия хорошо нам знакома – она сродни русскому генитиву при малых числительных и является "остатком" исчезнувшего праславянского склонения, соответствующая форме номинатива / аккузатива дуалиса *о*-склонения (которое оформляло большинство имен мужского рода). Интересно, что в современном болгарском с той же формой имени сочетаются модификаторы *колко*, *колкото*, *няколко* и т.д., ср:

(23)

болг.

а.	два	кон-я
	два	конь-А

два коня

б.	колкото	кон-я
	несколько	конь-А

несколько коней

Скорее всего, славянское (по-видимому, преимущественно русское) влияние испытали на себе КГ в литовском и финском языках. В работе [Koptjev-skaja-Tamm, Bernhardt 2001] говорится о партитивном маркировании КГ как балто-славянском ареальном явлении. Несколько ниже мы покажем, что данная стратегия распространена и за пределами балтийского ареала, а пока проанализируем материал литовского и финского языков.

Литовский материал отдаленно напоминает славянский. Отличие состоит в том, что малыми являются в литовском числительные от *одного* до *девяти*, проявляющие адъективные свойства. К большим относятся числительные от *одинадцати* до *девятнадцати* (объединяющиеся с десятками), которые присоединяют имя в генитиве не только в прямых, как в славянских, но и (NB!) в косвенных падежах. Приведем примеры на употребление малых и больших числительных в номинативном контексте:

(24)

лит.

a.	per	gatvę perėjo		
	по	улице	прошло	
	septyni		juodi	katinai.
	семь: M.Nom.Pl		черный: M.Nom.Pl	кот: Nom.Pl

По улице прошло семь черных котов.

b.	per	gatvę perėjo		
	по	улице	прошло	
	vienuoika		vaikų.	
	одиннадцать: Nom		ребенок: Gen.Pl	

По улице прошло одиннадцать детей.

Морфосинтаксические свойства финских числительных достаточно единообразны. В финском нет деления на большие и малые числительные, все количественные числительные требуют в номинативе и аккумулятиве партитивной падежной формы от имени. Славянский генитив и финский партитив сближают два важных для нас свойства: выражение партитивной семантики и возможность приименного употребления ср:

(25)

финск.

säkki	perunoita
мешок: Nom	картошка: Prtv.Pl
<i>мешок картошки</i>	

У финской КГ существует одно отличие от славянской. Оно состоит в том, что существительные (и, следовательно, прилагательные и согласуемые с именем глагольные формы) в финских КГ маркируются единственным числом, что более подробно будет обсуждено ниже. Итак, приведем примеры:

(26)

финск.

kaksi	saksalaista	poikaa	meni	kotiin.
два	немецкий: Prtv.Sg	мальчик: Prtv.Sg	пришли	домой

Два немецких мальчика пришли домой.

В косвенных падежах ситуация напоминает славянскую: числительные согласуются с именем, переходя от именной к адъективной стратегии:

(27)

финск.

hän	kirjoittaa	usein	kahdelle	saksakaiselle
он	пишет	часто	два: All.Sg	немецкий: All.Sg

pojalle.

мальчик: All.Sg

Он часто пишет двум немецким мальчикам.

Важным для нас свойством финского партитива является его способность оформлять ИГ с модификаторами типа *несколько* и т.д.:

(28)

финск.

(osa)	poik-ia	meni	kotiin.
(несколько)	мальчик-Prtv.Pl	пришли	домой

Несколько мальчиков пришли домой.

(примеры из [Kortjevskaja-Tamm 2001]).

Чрезвычайно интересен материал осетинского языка, где также нельзя не заметить следов русского влияния. Как и в русском, в осетинском языке числительные сочетаются с родительным падежом имени в контексте субъекта и прямого объекта (заметим, что данные синтаксические роли не оформляются падежными маркерами и кодируются при помощи порядка слов):

(29)

осет.

a.	duuæ	læppuj-i	badʁnc.
	два	мальчик-Gen	сидят

Два мальчика сидят.

b.	æz	fedton	duuæ	læppuj-i.
	я	увидел	два	мальчик-Gen

Я увидел двух мальчиков.

Заметим сразу, что то же генитивное маркирование свойственно и другим ИГ с количественной семантикой, задаваемой, в частности, модификаторами *несколько* и т.п.:

(30)

осет.

k'ord	bælas-i
несколько	дерево-Gen
<i>несколько деревьев</i>	

В косвенных падежах, как и в русском, падежный конфликт между генитивом и семантическими косвенными падежами разрешается в пользу последних. Однако, в отличие от русских, осетинские числительные не способны нести никакой морфосинтаксической информации и все падежно-числовое маркирование осуществляется при помощи имени. Т.е. можно сказать, что, в то время как в косвенных падежах в русском реализуется адъективная стратегия Подтипа В, то в осетинском – адъективная стратегия Подтипа А. Такой выбор стратегий соответствует отношениям между существительным и прилагательным в каждом из двух языков: согласование прилагательного с именем в русском и немаркированное присоединение прилагательного к имени в осетинском, ср:

(31)

осет.

avd	sau	mæsug-em-æj
семь	черный	башня-Nml-Abl

из семи черных башен

(по поводу данной морфемы ниже).

Существует еще один весьма интересный факт, который отличает косвеннопадежные КГ в осетинском. А именно, при субстантивации осетинские числительные в косвенных падежах (напомним, что прямые падежи в осетинском не маркируются) приобретают специальный аффикс, маркирующий их переход к субстантивную категорию и располагающийся перед падежным показателем. Тот же самый аффикс (NB!) присоединяется к именам в составе КГ. Таким образом, КГ как бы получает специальное морфологическое маркирование, в прямых падежах выражающееся в форме генитива, а в косвенных – в присоединении к имени особого аффикса, характерного для числительных (в примерах ниже он глоссирован как Nml, Numeral), ср:

(32)

осет.

ærtæ	mudgæs-em-æn
три	пасечник-Nml-Dat

к трем пасечникам

(см. также пример (31)).

Обсуждение возможных гипотез о происхождении показателя Nml в осетинском останется за рамками данной работы. Мы отметим лишь сам факт последовательного маркирования наличия числительного в составе ИГ средствами партитивного генитива там, где этому не препятствует внешний контекст и особыми морфологическими средствами там, где имеет место конфликт семантических и структурных падежей.

Если во всех предыдущих случаях и можно было в той или иной степени подозревать заимствование славянской модели, то в отношении арабского языка такие подозрения будут, мягко говоря, беспочвенны. Однако арабский материал во многом оказывается удивительным образом созвучен материалу рассмотренных выше языков.

Правила образования КГ в классическом арабском языке не менее сложны, чем, скажем, в русском. Числительные *один* и *два* являются фактически прилагательными (см. об этом выше). Разные морфосинтаксические правила употребляются при образовании КГ с числительными от *трех* до *десяти* и от *одиннадцати* до *девятнадцати*. И те, и другие находятся, в отличие от других зависимых (например, прилагательных и генитивов) в препозиции к имени, и это объединяет числительные с определенными местоимениями и кванторами (*любой, все...*), что будет обсуждено в пункте 2.2.3. ниже. Препозиция числительных в арабском – немаркированный вариант линейного расположения, возможна и постпозиция. Числительные от *трех* до *десяти* сочетаются с именем в родительном падеже, согласуясь с ним в роде. Правила согласования по роду для арабских числительных весьма сложны: имя мужского рода имплицитно женский род числительного, а имя женского рода – мужской:

(33)

араб.

a. khamṣ-at-u 'ayyām-i-n
пять-F.Sg-Nom день:M.Pl-Gen-Indef

пять дней

b. talāt-θ-u sanaw-āt-i-n
три-M.Sg-Nom год-F.Pl-Gen-Indef

три года

Прилагательные в составе арабской ИГ располагаются в постпозиции к имени и принимают те же формы числа, падежа и рода, что и имя. Таким образом, единственный показатель внешней падежной роли имеется только у числительного:

(34)

араб.

a. kāna yaṣīru taḥta nāfiḡat-ī
СОП идти под окном
sabʿ-at-u hirarat-i-n sūd-i-n.
семь-F.Sg-Nim кот:M.Pl-Gen-Indef черный:Pl-Gen-Indef

Семь черных котов проходило под моим окном.

b. 'ahda: l-walad-u 'umm-a-hu
принес мальчик маме
sabʿ-θ-a zahūr-i-n ḡami:l-at-i-n.
семь-M.Sg-Acc цветок:Pl-Gen-Indef красивый-F.Sg-Gen-Def

Мальчик принес маме семь красивых цветов.

Во всех трех падежах (номинативе, аккузативе, генитиве) маркер внешней падежной формы находится на числительном (впрочем, в случае генитива вся ИГ получает формально единое падежное оформление, но источники этого оформления различны для числительного и имени с его правыми зависимыми). Кроме того, так же, как при сочетании двух существительных в случае образования генитивной группы, числительное и имя также формируют так называемую "изафетную конструкцию".

Это выражается в том, что числительное, располагающееся перед именем, находится в "сопряженном состоянии" ("Status Constructus"). Сопряженное состояние числительного не позволяет маркировать всю КГ определенным референциальным статусом. В тех случаях, когда необходимо ввести определенный референт, числительное помещается в постпозицию, при этом оно приобретает свойства прилагательного (согласуется с именем в роде и падеже, имплицитно сопряженное состояние существительного), а имя получает префиксальный показатель определенности:

(35)

араб.

'a ʔTa-t	al-bint-u	l-kila:b-a	ssabʕ-at-a
дала	девочка	Def-собака:F.Pl-Acc	Def-семь-F.Sg-Acc
ʕʕiya:r-a		laban-an.	
Def-маленький:F.PL-Acc		молоко-Acc	

Девочка дала молока (этим) семи щенятам.

Таковы основные свойства числительных от *трех* до *десяти*. Числительные от *одиннадцати* до *девятнадцати* при образовании КГ также находятся в препозиции, при этом их основной особенностью можно считать то, что они требуют от существительных (и, соответственно, прилагательных) формы единственного числа accusativa, независимо от роли такой ИГ в предикации. Мы не будем разбирать здесь возможные гипотезы происхождения такой "застывшей" формы Acc.Sg, так как данная особенность является уникальным свойством арабского языка¹², а обратим внимание, прежде всего, на форму генитива при числительных от *трех* до *десяти*, столь широко распространенную в КГ языков мира. Интересным свойством арабской КГ является также смена морфосинтаксической стратегии в зависимости от расположения числительного до или после имени, что будет специально обсуждено ниже.

Характерно, что та же генитивная стратегия может использоваться в арабском и при образовании ИГ с партитивной семантикой:

(36)

араб.

a.	kathi:r-u-n	min	al-'awla:d-i
	некоторые-Nom-Indef	из	Def-мальчик:M.Pl-Gen
	<i>некоторые из мальчиков</i>		
b.	ba'D-u	l-'awla:d-i	
	несколько-Nom	Def-мальчик:M.Pl-Gen	
	<i>несколько мальчиков</i>		

Причем в отличие от примера (36a), где используется предложенная конструкция, в случае примера (36b) первый элемент ИГ (*несколько*), точно так же, как и определяемое имя в генитивной группе или числительное в КГ, находится в сопряженном состоянии.

Подытоживая обсуждение тех языков, где числительные проявляют субстантивные свойства, мы должны сказать следующее. Во-первых, генитивная (в широком смысле, сюда же мы относим партитив в финском языке) стратегия отнюдь не уникальна для одного или нескольких генетических или ареально близких языков. Во-вторых (и это свойство, на наш взгляд, является весьма важным) во всех известных нам случаях оформления КГ при помощи генитивной (или, что то же самое, партитивной) конструкции, схожие с числительными свойства обнаруживают такие именные модификаторы, как *много*, *несколько* и т.п., значение которых явным

¹² Эта форма, точно так же, как и форма русского причислительного генитива, является "тяжелым историческим наследием" и может получить объяснение лишь в контексте истории арабского языка.

образом связано с ментальной операцией выбора нескольких объектов из некоторого множества однотипных элементов.

Вполне вероятно, что для описанных в данном пункте языков возможен такой же анализ, который предложил Бэбби для КГ в русском. Однако, для того, чтобы осуществить подобный анализ, необходимо провести гораздо более детальное исследование каждого из вышеперечисленных языков, чем позволяет жанр нашей работы. Поэтому, все, что мы считаем возможным и необходимым сделать, подытоживая обсуждение данного типа КГ, – это обратить внимание на партитивную природу КГ в языках с субстантивными числительными.

2.2.3. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ – ФАКТОР ЛИНЕЙНОГО ПОРЯДКА

В некоторых языках числительные выделяются в особую категорию благодаря своей позиции в именной группе. В нашей выборке подобные свойства наиболее ярко демонстрируют четыре языка: персидский, язгулямский, ассирийский и баскский. В этих языках такие приименные модификаторы, как прилагательное или генитив¹³ располагаются, как правило, после имени, числительные же находятся в препозиции. Препозиция числительных свойственна (как вариант альтернативного порядка слов) и некоторым другим языкам, но в перечисленных выше она соответствует немаркированному расположению элементов. Разберем отдельные случаи более детально.

В персидском языке большинство модификаторов находятся после существительного, при этом последнее приобретает показатель вершинного маркирования (так называемая "изафетная конструкция"):

(37)

перс.

a.	mej-e	sorx
	вино-Ezafe	красный

красное вино

b.	mej-e	danešžu
	вино-Ezafe	студент

вино студента

(примеры из [Мельчук 1998])

Числительные же, напротив, располагаются в препозиции и не требуют показателя изафета:

(38)

перс.

se	danešjar
три	преподаватель

три преподавателя

Эта особенность объединяет персидские числительные с такими модификаторами, как определенные местоимения и кванторы.

Несколько более сложная ситуация наблюдается в другом иранском языке, язгулямском. Отличие ИГ в язгулямском от персидской ИГ состоит в том, что под влиянием русского языка в нем развивается препозитивный порядок модификаторов. Исходно такие модификаторы, как прилагательное или генитивная группа, располагались в постпозиции, при этом определяемое имя маркировалось показателем изафета. В современном же язгулямском они могут оказываться перед именем, (факультет)

¹³ Ситуация с генитивом в целом более сложная, чем, например, с прилагательным, т.к. его расположение отличается от расположения, например, прилагательного по причинам, связанным с удобством распознавания и восприятия составляющих.

тативно) получая при этом показатель синтаксической связи *-i*¹⁴, свидетельствующий об их зависимости от существительного. Числительные и определенные местоимения, которые изначально были препозитивны, не могут получать показателя *-i*. При этом как для числительных, так и для определенных местоимений запрещена возможная для других модификаторов постпозиция.

Расположение модификаторов в ассирийском языке напоминает ситуацию в персидском. В постпозиции здесь находятся прилагательные, посессивные местоимения, генитивы и порядковые числительные. Определенные местоимения и количественные числительные препозитивны (скорее всего, в данном случае можно говорить о подобном порядке модификаторов как об ареальной черте).

К этой же группе мы отнесем и баскский язык, в котором числительные (так же как и определенные местоимения) предшествуют имени, а прилагательные следуют за ним. при этом показатель падежа всегда располагается на крайнем правом элементе, т.е. на имени, или, если оно есть, на прилагательном:

(39)

баск.

aitak	bi	zuhaitz	zaharr-i	adarrak	moztu	zizkien.
отец	два	дерево	старый-Dat	ветки	отрезать	СОР

Отец отрезал ветки у двух старых деревьев.

Возможные причины подобной асимметричности свойств числительных и других модификаторов будут разобраны нами несколько ниже, а здесь мы рассмотрим результаты применения критериев установления синтаксической зависимости для языков рассмотренного типа. Если в ассирийском существует согласование числительного и имени в падеже, то в персидском, язгулямском и баскском падежное согласование числительных с именем отсутствует. Если бы мы не принимали во внимание факторов линейного расположения элементов, то, очевидно, анализ КГ рассмотренных иранских и баскского языков соответствовал бы анализу подтипа А, а ассирийского – подтипа В языков с адъективными числительными (см. выше). Если же учитывать взаимное расположение существительного и таких "безусловных" зависимых имени как прилагательное, то окажется, что, в отличие от языков с адъективными числительными, КГ персидского, язгулямского, ассирийского и баскского расположение элементов не подтверждает вершинности существительного. А именно, принимая во внимание существующий в ИГ этих языков порядок "вершина – зависимое", результирующие данные можно было бы представить следующим образом:

Таблица 10

Числительные как особая категория

	Num	Noun
Семантический Критерий	–	+
Формальные Характеристики	–	+
Линейный порядок (Вспомогательный Критерий)	+	–

2.2.4. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ, ТРЕБУЮЩИЕ НУМЕРАТИВОВ

Ниже мы обсудим так называемые языки с нумеративами или счетными классификаторами. Мы условимся называть **Нумеративами** такие служебные единицы, которые появляются в некотором языке в контексте числительных и являются обязательным элементом КГ. Такая ситуация наблюдается во многих языках Азии

¹⁴ Данная морфема восходит к изафетному показателю, прежде маркировавшему именную вершину в случае наличия у нее зависимых.

(сино-тибетские, австронезийские, австроазиатские, корейский, японский...) и Южной Америки (например, языки майя). Для именных же классификаторов, существующих, например, в языках банту, мы будем употреблять термин **Классификатор**.

Надо заметить, что КГ в языках со счетными словами (или счетными суффиксами), которые мы будем называть **Языки с Нумеративами**, принципиально отличается от КГ в языках с именными классификаторами. Как было показано выше, в языках с классификаторами, например, в суахили, для образования КГ, как и для образования ИГ с прилагательным, требуется выбрать тип классификатора в соответствии с именной основой и маркировать классификатором данного типа имя, а затем, согласовательным классификатором того же типа – числительное. То же самое происходит и с прилагательным: выбирается классификатор, который и присоединяется к имени, и далее, согласовательный классификатор данного типа присоединяется к прилагательному.

Употребление имени без классификатора вообще (если следовать строгой грамматической норме) невозможно. Это значит, что в КГ суахили использование соответствующего (плюралистного) классификатора не привносит информации собственно о классе объекта (эта информация передается и без числительного), а лишь свидетельствует о множественности референтов. Напротив, употребление нумератива в языках с нумеративами имеет место только в КГ, т.е. именно числительные имплицитно появляются грамматической информации о типе исчисляемого объекта.

Кроме того, нумеративы, в отличие от классификаторов плюралистного класса, не способны самостоятельно передавать значения множественности референтов, они передают лишь информацию о типе объекта. Множественные классификаторы же, в дополнение к этой информации, выражают грамматическое значение множественного числа, что следует из того простого факта, что они способны употребляться без числительного, выполняя в таких случаях функции, близкие к функциям граммы числа, скажем, в русском языке.

Здесь мы вкратце опишем два языка с нумеративной стратегией оформления КГ – индонезийский и мыонг, а несколько ниже расскажем о нумеративах в нивхском и японском языках.

В индонезийском числительные не могут присоединяться к именам непосредственно, при построении КГ необходимо использование нумеративов. Исключение составляют КГ с именами меры, *метр, неделя*; именами типа *группа, отряд* (заметим, что этот тип имен, так же, как и предыдущий, выполняет функцию нумеративов); собственно существительные, явившиеся источником образования нумеративов, и абстрактные имена. Все нумеративы имеют аналоги в классе имен: *orang* – "человек" (используется при счете людей), *ekor* – "хвост" (для счета животных), *buah* – "плод" (плоды, крупные предметы), *bidji* – "зерно" (небольшие круглые предметы),... Приведем пример КГ индонезийского языка:

(40)

индонез.

dua	orang	tawanan
два	человек	пленный

два пленных (~ два человека пленных)

В языке мыонг ситуация достаточно схожая. Мы воспользуемся в нашем описании обобщениями, сделанными советско-вьетнамской лингвистической экспедицией [Язык мыонг... 1987], так как, на наш взгляд, они имеют под собой достаточно верные типологические наблюдения. Предоставим слово авторам указанной грамматики:

«Подклассы существительных». Диагностическим критерием для выделения подклассов существительных является их сочетаемость с числительными. Исходя из этого критерия, в языке мыонг можно выделить следующие подклассы существительных:

I. Исчисляемые существительные, сочетающиеся с количественными числительными непосредственно (подкласс 1а) или при помощи классификатора подкласс (1б).

II. Непосредственно неисчисляемые существительные, сочетающиеся с числительными только при помощи мерных слов, но не при помощи классификаторов.

III. Неисчисляемые существительные, не сочетающиеся с числительными.

Исчисляемые существительные, которые сочетаются с числительными непосредственно (подкласс 1а), обозначают либо единицу измерения (*kə'n* – "килограмм", *zo'* – "час"), либо родовое понятие (*nguə'j* – "человек", *tiaj* – "плод")... Все эти существительные могут регулярно или окказионально использоваться как счетные слова (мерные слова или классификаторы), например: *hal ko'n² duo'ng* – "два килограмма сахара", *ba nguə'j mol* – "три человека" (букв. "три – человек – человек"), *hal kô i ta* – "две медсестры" (букв. "два – тетка – медсестра")...

Непосредственно неисчисляемые существительные, обозначающие вещества (подкласс II), сочетаются с числительными с помощью мерных слов (единиц измерения, окказиональных мер, слов типа *laj* – вид, *sort*), например, *tôc kə'n poj* – "один килограмм соли", *hal kôk tak* – "два стакана воды"».

Наиболее важным для нас является сделанное здесь наблюдение о совпадении грамматических функций нумеративов (классификаторов в терминологии авторов, т.е. слов *человек, тетка, плод*...) с таковыми у мерных слов (*килограмм, стакан* и т.д.). Такой вывод можно сделать на основании сходства модели для КГ с участием нумеративов с моделью для ИГ, употребляющихся при подсчете количества неисчисляемого вещества, о чем речь пойдет несколько ниже.

Одним из ярких примеров языков с нумеративами является японский язык: (практически) любое употребление КГ невозможно без специального грамматического элемента¹⁵:

(41)

японск.

go.hon-po *emrīcu-o* *kaimas.*

пять.HON-Attr карандаш-Асс куплю

Куплю пять карандашей.

Т.е., нумеративы в японском оказываются инкорпорированными в числительное и показатель синтаксической зависимости (Attr) прикрепляется ко всей такой конструкции. Наличие атрибутивизатора свидетельствует о том, что налицо синтаксическое управление со стороны существительного *emrīcu, карандаш* комплексом *go.hon, пять* + нумератив HON (см. пример). Сам же аффикс нумератива является показателем согласования (нумеративный показатель числительных в значительной степени напоминает род русских прилагательных: и нумеративы, и показатель рода у прилагательных проводят определенные границы между различными подклассами лексического класса, в обоих случаях – класса существительных). Кроме того, грамматическую нагрузку (падеж) несет в подобных случаях существительное, обозначающее те объекты, которые требуется исчислить (*карандаши* в нашем случае), т.е. такие существительные являются морфосинтаксическим центром.

Заметим, что применение формальных критериев в ряде языков с нумеративами затрудняется тем, что они (как, например, *мыонг*) являются языками предельно аналитического строя. С другой стороны, в ряде языков (например, японский, нивхский, см. выше) грамматический строй языка вполне позволяет применить указанные критерии. По этой причине неуниверсальные для языков с нумеративами критерии будут даны в скобках.

¹⁵ В настоящее время, по свидетельству некоторых авторов, происходит "вырождение" системы нумеративов и числительные получают возможность употребляться самостоятельно, однако, по нашим данным, употребление нумеративов при счете близко к обязательному и сегодня.

Ниже мы постараемся показать, что анализ нумеративных конструкций помогает установить историю происхождения причислительного генитива в языках типа литовского или русского, а здесь дадим итоговую таблицу применения формальных и семантических критериев к КГ в языках с нумеративами, причем под Noun мы будем подразумевать в данном случае исчисляемое (а не нумеративное!) существительное, а под Num – конструкцию "числительное + нумератив".

Таблица 11

КГ в языках с нумеративной стратегией

	Num	Noun
Семантический Критерий	–	+
Формальные Характеристики:		
Управляющая Лексема	–	–(+)
Контролер Согласования	–	+
Морфосинтаксический Центр	–	–(+)

Как видно из таблицы, в языках с нумеративами и с точки зрения семантических, и с точки зрения формальных критериев кандидатом на роль вершины является скорее существительное, чем числительное.

2.2.5. СОВМЕЩЕНИЕ СТРАТЕГИЙ

Как уже было замечено при обсуждении различных моделей образования КГ, достаточно часто в рамках одного языка имеет место использование при построении КГ более чем одной модели. Различные стратегии могут употребляться:

- а) с разными числительными;
- б) в разных падежных контекстах;
- с) с одними и теми же числительными в одних и тех же падежах для выражения различных прагматических контекстов.

Чаще всего совмещается адъективная стратегия и какой-либо еще вариант кодирования, что подтверждает тезис об адъективной стратегии как наиболее частотной. Так, например, литовский язык, представляющий собой вариант типа а), использует адъективную стратегию для числительных от *одного* до *девяти* и субстантивную – для (десятков и) числительных от *одинадцати* до *девятнадцати*. В осетинском реализуется вариант б) – адъективная и субстантивная стратегии могут употребляться с любыми числительными (напомним, что мы не рассматриваем здесь "чистые" десятки, сотни и тысячи) в зависимости от синтаксической роли КГ в предикации. Русский язык реализует варианты а) и б) одновременно.

Вариант с) и а) осуществляются в арабском языке (см. выше). При этом арабский интересен тем, что в нем оказываются совмещены сразу три модели образования КГ. В случае препозиции числительных субстантивная стратегия дополняется стратегией для числительных как особой грамматической категории, т.е. к генитивному маркированию сопутствует характерное линейное упорядочивание элементов. В случае постпозиции числительные в арабском уподобляются прилагательному.

Отдельного обсуждения заслуживает КГ в нивхском языке, который реализует вариант а), используя для одних числительных (от *шести* до *девяти*) чисто нумеративную стратегию, а для других (от *одного* до *пяти*) – ту же нумеративную стратегию, дополненную особым линейным порядком и элементами субстантивной стратегии. Рассмотрим нивхский материал несколько более подробно (мы используем чрезвычайно детальную характеристику нивхских числительных, предложенную в работе [Панфилов 1962]).

Более корректно при анализе нивхской КГ было бы говорить не о нумеративах, а о различных счетных системах, представленных в этом языке (что и имеет место в традиционных грамматиках). В данном языке существует 26 систем числительных, каждая из которых употребляется при счете лишь определенного рода предметов. Числительные до *пяти* настолько "срослись" с нумеративным показателем, что синхронно выделяются лишь остатки корней соответствующих счетных компонентов (*один – пять*), собственно же нумеративные корни можно выделить далеко не всегда. Для числительных от *шести* до *деяти* нумеративные показатели выделяются достаточно хорошо и, более того, являются в известной степени факультативными. Мы, тем не менее, будем говорить о том, что в нивхском языке имеет место нумеративная стратегия образования КГ, так как диахронический подход позволяет проанализировать все числительные как сочетание показателя количества и нумеративного элемента. При этом нумеративы в современном нивхском употребляются следующим образом: для числительных до *пяти* – регулярно; для числительных от *шести* до *деяти* – не для всех типов предметов и в целом более факультативно.

При сочетании имени с числительным до *пяти*, числительное находится в позиции к имени и падежное окончание (так же, как и другие морфологические маркеры ИГ) присоединяется (NB!) только к числительному (располагаясь при этом после нумератива). Для всех числительных от *шести* до *деяти* характерно препозитивное расположение относительно существительного, которое при этом получает показатель падежа, определенности и т.д.:

(42)

нивх.

a.	n'i	n'ivɣ	men-ax	vigud'.
	я	человек	два: Human-Dat.Acc ¹⁶	послал

Я послал двух человек.

b.	n'i	ɲamk	n'ivɣ-ax	vigud'.
	я	семь	человек-Dat.Acc	послал

Я послал семь человек.

В первом из приведенных примеров числительное *два*, употребленное постпозитивно, является морфосинтаксическим центром для всей ИГ в целом, во втором же примере при препозиции числительного (которое здесь употреблено без нумератива, см. выше) морфосинтаксическим центром является имя.

Завершая разговор о различных моделях образования КГ в языках мира, заметим, что подробное рассмотрение некоторых совмещенных стратегий помогает, как мы постараемся показать в части 5, пролить свет на природу и происхождение столь сложных для анализа субстантивных и нумеративных количественных групп.

3. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И ИСЧИСЛЯЕМОСТЬ

Термин **Нумератив**, как уже говорилось, употребляется для обозначения особого разряда лексических или грамматических единиц, существующего в ряде языков (например, бирманский, китайский, языки майя...) и обязательного при ИГ с числительным. Ниже мы расширим сферу действия этого термина и применим его к языкам с другими типами КГ, так как ИГ со свойствами нумеративных конструкций, на наш взгляд, распространены гораздо более значительно, чем это принято считать традиционно.

Поясним, что мы понимаем под **Нумеративными Конструкциями (НК)**. Нумеративной конструкцией мы будем называть такую КГ, в состав которой входит, кроме числительного и существительного, еще один обязательный лексический или

¹⁶ Дательно-винительный падеж в терминологии Панфилова, см. [Панфилов 1962].

грамматический элемент, без которого было бы невозможно исчисление объекта(ов) данного типа. Проиллюстрируем это определение следующими примерами:

(43)

русск.

два*(мешка) риса

(44)

тат.

ike *(stakan) su

два стакан вода

два *(стакана) воды

(45)

арм.

jerku *(dujl) žur

два ведро вода

два *(ведра) воды

Как видно из приведенных примеров, семантической зоной действия НК являются, в первую очередь, существительные, обозначающие неисчисляемое вещество или недискретные совокупности однородных объектов (*стадо коров, стопка книг...*)¹⁷. Действительно, "посчитать" воду или сахар без того, чтобы определиться с тем, какой мерой мы будем задавать счет, не представляется возможным. Таким образом, мы можем сформулировать следующее типологическое утверждение, которое, насколько нам известно, справедливо для всех языков, исповедующих нунумеративную стратегию образования КГ:

Утверждение I: Сочетание числительного с именем, обозначающим неисчисляемое вещество, невозможно без употребления (лексической или грамматической) единицы, задающей меру количества данного вещества¹⁸.

4. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И ЧИСЛО

4.1. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В КОНТЕКСТЕ КГ

Данная часть посвящена свойствам грамматической категории числа в контексте КГ. Речь пойдет: во-первых, о категории числа у существительного, т.е., так называемой "семантической" категории числа, основной функцией которой является выражение семантического противопоставления один референт / более одного референта; во-вторых, о согласовательной категории числа у модификаторов внутри ИГ, где мы, прежде всего, будем иметь в виду прилагательные, как наиболее часто согласуемый модификатор; и, в-третьих, о согласовании по числу между именем и глаголом. В последнем случае нас будет интересовать сам факт согласования, т.е. мы не будем проводить различия между числовым согласованием субъекта с глаголом в языках аккумулятивного строя с одной стороны и согласованием глагола с абсолютивом в эргативных языках – с другой. Мы также будем учитывать согласование между глаголом и косвенно-объектными ИГ там, где оно имеет место.

Перед тем как начать описание отдельных числовых стратегий, сделаем несколько общих замечаний. Прежде всего, скажем о выражении категории числа у числительных. Категория числа, очевидно, не относится к грамматическим категориям

¹⁷ В весьма важной для нас работе [Кортъевская-Тамм 2001] конструкции данного типа обозначаются как (псевдо)партитивные конструкции, (Pseudo) partitive constructions.

¹⁸ Более подробно нумеративные конструкции и связанные с ними грамматические явления, в том числе числовое согласование, будут нами рассмотрены в дальнейших исследованиях.

числительных, т.к. они выражают идею множественности при помощи собственно основы, т.е. лексически. Однако в ряде языков числительные, получая адъективные флексии, наследуют и выражаемое кумулятивно числовое значение (так обстоит дело, например, в финском или санскрите). Подобное дублирование значений (вызванное тем, что "за неимением лучшей" для обозначения падежа числительных выбирается флексия, уже содержащая информацию о числе) неинформативно и встречается в языках не так часто. Поэтому в целом можно говорить о том, что числительным свойственны такие категории, как падеж, род, определенность; число же гораздо чаще является согласовательной характеристикой прилагательных и определенных местоимений, но не числительных.

Еще одно общее соглашение касается двойственного числа (оно имеет место, например, в арабском, санскрите, эскимосском, финском...). По нашим данным универсальным является следующее правило: если в языке есть двойственное число и его показатель обязателен при обозначении множества из двух предметов, то при сочетании имени с количественным числительным *два* существительное всегда стоит в двойственном числе (см. по этому поводу [Greenberg 1978]). Поэтому мы не будем специально говорить о двойственном числе, а будем всегда иметь в виду, что, обсуждая множественное число в КГ, мы подразумеваем в случае числительного *два* двойственное (разумеется, если такое значение категории числа вообще имеет место в языке).

Из рассмотренных нами 28 языков 14 имеют так называемую плюралисную модель, 11 – сингулярную и 3 языка не имеют грамматической категории числа. Расскажем об этом подробнее.

4.2. ПЛЮРАЛИСНАЯ МОДЕЛЬ

Плюралисной моделью мы будем называть такой способ образования КГ, при котором существительное получает показатель множественного числа. Такова, например, ситуация в русском языке (напомним, что форма существительного при малых числительных в русском также имеет плюралисную семантику, что проявляется, например, в согласовании прилагательных, ср: *три красивые / красивых девушки*). Кроме русского, подобное оформление имеют чешский и болгарский (в последнем по плюралисной стратегии оформляются все имена кроме существительных мужского рода, см. выше), санскрит, хинди, английский, литовский, армянский, ассирийский, арабский, корякский, эскимосский, а также баскский и суахили. Последние два языка заслуживают отдельного описания, и мы вернемся к ним несколько ниже.

Основным свойством данной стратегии является следующее:

Утверждение II: Если в некотором языке существительное в КГ стоит в форме множественного числа, то ту же плюралисную форму будут иметь сказуемое и согласуемые с именем модификаторы.

Естественно, что подобное правило применимо лишь к тем языкам, где согласование указанных членов предложения имеет место. Так, например, в литовском третье лицо глагола вообще не различает числа, поэтому в случае литовского языка говорить о согласовании по числу подлежащей ИГ в третьем лице со сказуемым можно лишь весьма условно. К числу языков, КГ которых не подлежат анализу с точки зрения стратегии числового согласования глагола (но не прилагательного!), стоит отнести и чешский (а также глагольное согласование по Neut. Sg в русском). Для чешского языка (языка с субстантивной стратегией образования КГ) практически обязательно согласование КГ в субъектной позиции по единственному числу среднего рода. Очевидно, здесь мы сталкиваемся с тем же механизмом, который предписывает дефолтное согласование по форме Neut.Sg русской КГ, отличие состоит лишь в том, что чешский не располагает альтернативной стратегией плюралисного глагольного согласования для КГ.

Нетривиален материал арабского языка. Числовое согласование в арабском, который является VSO-языком, можно отследить лишь в некоторых достаточно специфических контекстах. Оно имеет место, например, при сочинении *Мальчик(и) пришел(и)* и *запел(и)*, или точнее, если следовать порядку элементов в арабском, *Пришел(и) мальчик(и) и запел(и)*, где множественное число имени будет предписывать плюралистное согласование. Однако, так как в случае КГ в подобных контекстах как имя, так и глагол должны стоять во множественном числе, мы считаем, что арабский не нарушает общей закономерности, сформулированной выше.

Для баскского языка также существуют особые правила употребления граммемы числа при образовании количественной группы. Они заключаются в том, что при сочетании с числительным имя, как правило, ставится в так называемую "неопределенную форму", соответствующую неопределенному референциальному статусу. причем употребление показателя множественного числа в этом случае оказывается невозможно, ср:

(46)

баск.

a.	aita-k	bi	zuhaitz	zaharr-i	adarr-a-k
	отец-Erg	два	дерево	старый-Dat	ветка-Def-Pl
	moz-tu	di-zki-e-Ø.			
	отрезать-Pst	COP-Nom.Pl-Dat.3.Pl-Erg.3.Sg			

Отец отрезал ветки двум старым деревьям.

b.	aita-k	zuhaitz	zaharr-ei	addarr-a-k
	отец-Erg	дерево	старый-Dat.Pl.Def	ветка-Def-Pl
	moz-tu	di-zki-e-Ø.		
	отрезать-Pst	COP-Nom.Pl-Dat.3.Pl-Erg.3.Sg		

Отец отрезал ветки старым деревьям.

Как можно видеть, граммема числа в случае КГ [пример (46 а)] остается невыраженной (напомним, что все морфосинтаксические характеристики получает в баскском последний член ИГ, в наших примерах – прилагательное *старый*), однако, глагол-связка в обоих случаях согласуется с косвенно-объектной ИГ по множественному числу.

В суахили (как и в других языках банту) категория числа как таковая отсутствует. Вернее, она оказывается совмещенной с показателем класса: существуют так называемые сингулярные и плюралистные именные классы и, при попадании в состав КГ (так же, как и в тех случаях, когда необходимо ввести множество из более чем одного референта без употребления числительного), существительное и все согласуемые с ним члены предложения (т.е. приименные модификаторы и глагол) получают показатель соответствующего плюралистного класса. Значение множественности референтов для многих имен передается переводом существительного из сингулярного класса в соответствующий ему плюралистный. Так, например, существительные, обозначающие одушевленные существа, в случае единственности референта принимают показатель (и имплицитно согласование по образцу) первого класса, а в случае нескольких референтов – второго. Естественно, существуют многочисленные исключения и образование значения множественного числа в суахили далеко от идеальной картины взаимно-однозначного соответствия между именными классами по числовому признаку. Однако можно, очевидно, говорить о кумулятивном выражении граммемы числа классными показателями, хотя кумулятивность в данном случае и отличается от таковой, например, в русском языке.

В противоположность предыдущей, **Сингулярная модель** предписывает существительному в составе КГ единственное число. Для носителей европейских языков данный факт может показаться странным: в то время как числительное явным образом указывает на множественность референтов, имя, тем не менее, стоит в единственном. Однако можно утверждать, что данный способ образования КГ даже более логичен, чем предыдущий, ведь он позволяет избежать дублирования информации о множественности референтов, уже содержащейся в числительном. В целом сингулярная стратегия образования КГ не менее употребительна, чем плюралистическая, в нашей выборке ей соответствуют: багвалинский, цахурский, осетинский, финский, нивхский, татарский, бурятский, малаялам, тамильский, язгулямский, а также персидский языки. Последний представляет особый интерес в рамках данной тематики и будет отдельно обсужден в конце этого пункта.

При описании данной стратегии необходимо сделать одно важное замечание. А именно, если в случае плюралистической модели мы могли говорить об обязательном множественном числе имени как строгом условии правильного образования КГ, то в случае сингулярной стратегии дело обстоит несколько сложнее. По нашим наблюдениям над материалом тех языков, для которых мы обладали достаточной грамматической информацией, если в некотором языке при образовании КГ существительное (как правило) находится в форме единственного числа, то оно может опционально принимать в данном контексте и форму множественного. Степень обязательности формы единственного числа в КГ варьирует от языка к языку. И хотя довольно часто запрет на употребление формы множественного числа в КГ является достаточно строгим (так обстоит дело, например, в тюркских языках), очевидно, что в отличие от строгой плюралистической модели, о сингулярной модели мы можем говорить как о базовой, всегда помня о том, что она в некоторых условиях (в той или иной степени маргинально) может сменяться альтернативной плюралистической.

В тех же терминах необходимо говорить и о согласовательной стратегии в глаголе. Насколько нам известно, в подавляющем большинстве случаев сингулярная стратегия имени коррелирует с сингулярным согласованием ядерных актантов со сказуемым (об отступлении от этой закономерности в персидском будет сказано ниже). Однако, если базовой стратегией глагольного согласования является сингулярная, маргинально возможна также и плюралистическая модель.

Итак, на основании наших данных мы можем сформулировать

Утверждение III: Если базовой числовой стратегией при образовании КГ является сингулярная, то согласуемые модификаторы имени (прилагательные, демонстративы ...) и глагол также используют (как правило) базовую сингулярную стратегию.

Примером последовательного сингулярного оформления предикации с КГ может служить следующее багвалинское предложение.

(47)

багв.

o-ʃu-ŋ

ʒe:

b=uk'a=b=o

ek'a

haL'u-ra

awal

этот-Obl.M-Erg

делать

N=быть=N=Conv

есть

семь-Card

дом

hab-da

waʃa-ʒ̣a.

три-Card

сын-Obl.M.Dat

Он сделал семь домов для троих сыновей.

Здесь согласование вспомогательного глагола *быть* осуществляется по абсолютной ИГ *семь домов*, причем имя в единственном числе контролирует единственное

число глагола (также в единственном стоит и существительное в ИГ для *троих сыновей*). Однако в том же багвалинском мы сталкиваемся и с плюралистным оформлением предиката, ср. пример (19) выше.

Итак, в большинстве случаев в тех языках, в которых предпочтительным является употребление в КГ именной формы единственного числа, имя может маргинально стоять во множественном (и тогда форму множественного принимают модификаторы), а для глагола характерно согласование по единственному числу, также иногда нарушаемое в пользу множественного. Столь нестрогий характер сингулярной модели приводит к ее нетривиальной реализации в некоторых языках. Так, в персидском, где имя в КГ принимает форму единственного числа, глагол, тем не менее, всегда стоит во множественном, ср:

(48)
перс.
do nāfār varedeotag šod-änd.
два человек в. комнату приходить-Pl
Два человека вошли в комнату.

Заметим, что, по нашим данным, согласование КГ в персидском с глаголом по единственному числу невозможно. Как же объяснить такое несоответствие между именной формой и формой глагола? Очевидно, что здесь, как и в случае, например, осетинского языка, необходимо говорить об особом статусе КГ. Грамматическую информацию о множественности участников события, которой необходимо располагать для осуществления согласования субъектной ИГ со сказуемым, здесь выражает не форма плюралиса, а само числительное. Сочетание "числительное + имя" (приблизительно) соответствует в данном случае употреблению существительного во множественном числе. Этот, а также некоторые другие интересные аспекты двух моделей согласования мы собираемся обсудить в следующем пункте.

4.4. СОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ СТРАТЕГИЙ: НАБЛЮДЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Итак, из сказанного в двух предыдущих пунктах можно заключить:

Утверждение IV: Либо в КГ контролером согласования / морфосинтаксическим центром с точки зрения грамматической категории числа является имя, либо (иногда) сочетание числительного и имени реализуется как определенное функциональное единство и проявляет особые свойства, отличающие его от других ИГ.

В чем же причина "нестабильного" поведения языков с сингулярной стратегией? Чтобы разобраться в этом, необходимо более подробно обсудить природу категории числа в таких языках.

С точки зрения грамматической категории числа языки делятся на два основных типа. В первом из них при введении более чем одного участника необходимо использовать форму множественного числа существительного, форма же единственного числа соответствует всегда только одному участнику (мы не рассматриваем здесь генерических контекстов типа *Автомобиль требует постоянного ухода* = *Автомобили требуют постоянного ухода*, где имплицитно присутствуют кванторы *каждый*, *все* и т.п.). Языками такого типа являются русский, английский и некоторые другие индоевропейские языки. Такой тип языков мы будем называть языками с **облигаторным (множественным) числом**.

В языках второго типа употребление показателя множественного числа при обозначении более чем одного участника событий является факультативным, ср:

(49)

тат.

а. malaj kil-de.
мальчик приходит-Pst

Мальчик пришел / Мальчики пришли.

б. malaj-lar kil-de.
мальчик-Pl приходит-Pst

Мальчики пришли.

Такие языки мы будем называть языками с **факультативным (множественным) числом**. Данная стратегия широко распространена в тюркских языках, а также имеет место, например, в языках иранской группы. В отличие от облигаторной стратегии, которая, опять-таки, налагает жесткие требования на употребление числовых форм (т.е. существует четкое взаимно-однозначное соответствие между количеством референтов и формой имени), факультативная стратегия обычно распространена в языке в той или иной степени. Данная особенность проявляется в том, насколько регулярно может употребляться форма единственного числа при введении множества из более чем одного референта. Поэтому в ряде случаев оказывается чрезвычайно сложно определить, к какой из двух числовых стратегий принадлежит некоторый язык.

По нашим данным, выбор плюралистической либо сингулярной модели образования КГ связан с облигаторностью / факультативностью числа следующей импликацией: если в языке имеет место факультативное множественное число, то в нем обязательно реализуется сингулярная стратегия образования КГ. Собственно, в данном случае наши наблюдения лишь подтверждают одну из универсалий Гринберга относительно числительных из [Greenberg 1978]: "В тех языках, где выражение множественности является для существительного факультативным, единственное число может употребляться при числительных более *одного*".

Данная закономерность может быть объяснена следующим образом: факультативность числа означает способность формы единственного в определенном контексте вводить в дискурс более одного референта. Очевидно, что употребление числительного в составе ИГ как раз является таким контекстом. Форма множественного числа оказывается таким образом избыточной в КГ. Если она появляется (а это маргинально может иметь место в некоторых языках), то она уже задает некоторые дополнительные прагматические характеристики ИГ, обсуждение которых выходит за рамки нашей работы.

Языки с облигаторным множественным числом могут соответствовать как плюралистической, так и сингулярной стратегии числового оформления КГ (причем, насколько нам известно, первая реализуется чаще). В первом случае мы можем говорить о том, что в подобных КГ категория числа подвергается воздействию механизма сопоставления признаков (см. выше). В случае языков второго типа, примерами которых могут служить финский или осетинский, сингулярная стратегия согласования КГ с глаголом говорит о том, что и здесь морфосинтаксическим центром является существительное. Казалось бы, можно говорить о том, что сопоставление признаков не срабатывает в количественных группах таких языков. Однако это не так, и КГ языков с облигаторным множественным числом и сингулярной числовой стратегией также демонстрируют общее свойство распространенных ИГ выступать как единый именной комплекс. Это подтверждается случаями употребления с подлежащими КГ множественной числовой формы глагола, также имеющими место в указанных языках.

5.1. РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕСТИРОВАНИЯ НА ОСНОВАНИИ КРИТЕРИЕВ
ВЕРШИННОСТИ / ЗАВИСИМОСТИ

Тот факт, что существительное является **Семантической Вершиной** в КГ, вряд ли требует специальных доказательств. Интересно установить, насколько данные свойства семантической вершины сочетаются у имени в составе КГ со свойствами **Формальной Вершины**. Обсуждение этого вопроса мы кратко подытожим в данном пункте.

На основании Утверждения I мы можем заключить, что универсальным свойством числительных является их способность субкатегоризовывать лексический класс имен, подразделяя его на имена, обозначающие исчисляемые и неисчисляемые объекты. Таким образом, **Критерий Субкатегоризации** для всех естественных языков подтверждает вершинные свойства имени.

Далее, рассмотрение стратегий числового согласования также позволяет достаточно уверенно говорить о том, что с точки зрения данной характеристики контролером согласования и(ли) морфосинтаксическим центром, а, следовательно, и вершиной КГ является существительное (Утверждения II, III и IV). В ряде случаев (см. обсуждение материала персидского и баскского языков) ситуация несколько более сложная, но здесь мы предлагаем анализировать КГ как некоторую цельную составляющую, в которой грамматическую нагрузку по выражению числовой характеристики берут на себя числительные.

Если возвращаться к типологическому рассмотрению внутренней структуры КГ, то, как мы могли убедиться, в большинстве случаев статус существительного как семантической вершины соответствует его положению в КГ как вершины синтаксической. Такую ситуацию мы имеем в языках с адъективными и нумеративными стратегиями (см. Таблицы 8, 9 и 11). Как было показано в части I, в тех случаях, когда числительные обладают субстантивными свойствами, также можно показать, что в сочетании "числительное + существительное" вершиной является имя. Однако, если избегать строгих утверждений для языков данного типа (в которых, как это демонстрирует древнерусский материал, числительное может являться кандидатом на роль формальной вершины ИГ), то можно менее строго и, следовательно, более корректно описать распределение вершинных свойств в КГ следующим образом:

Таблица 12

Вершинные свойства числительного и имени в языках с субстантивной стратегией

	Num	Noun
Семантический Критерий	—	+
Формальные Характеристики	?+?	+
Субкатегоризация	—	+

Далее, как было замечено при обсуждении языков, где числительные демонстрируют отличные от прочих модификаторов свойства (например, персидский, баскский), в таких языках у нас также имеются основания говорить о некоторых вершинных свойствах числительных (связанных в данном случае со вспомогательным фактором линейного порядка, см. Таблицу 10).

В чем же причина отклонения от столь "прозрачной" адъективной стратегии, в которой семантическая и формальная вершинность имени совпадают? На этот вопрос мы постараемся дать ответ в следующей части.

5.2. АСИММЕТРИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ И ДРУГИХ МОДИФИКАТОРОВ: ИСТОЧНИКИ И ДИАХРОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АСИММЕТРИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

М. Копчевская-Тамм в своей работе [Koptjevskaja-Tamm 2001], посвященной свойствам ИГ с партитивной семантикой в балто-славянском ареале, предлагает в качестве объяснения развития стратегии партитивного (=генитивного) маркирования в КГ гипотезу о возможном происхождении КГ в языках с субстантивными числительными из НК. Скажем сразу, что наш анализ во многом совпадает с подходом данного автора. Основное расхождение состоит в том, что в фокусе внимания в нашей работе, в отличие от упомянутой выше, находятся ИГ, содержащие числительные.

Необходимо также отметить, что в терминах партитивности описывал числительные в языках типа русского еще Гринберг (см. [Greenberg 1978]). Естественно, что в соответствии с той задачей, которую решал данный исследователь, т.е. установлением как можно большего количества языковых универсалий, Гринберг не предлагал сколь-нибудь подробного анализа, ограничиваясь лишь констатацией определенных фактов.

Таким образом, мы, сфокусировав внимание именно на КГ, попробуем предложить схему развития асимметричных (по сравнению с другими модификаторами) свойств числительных и попытаемся объяснить причины такой асимметрии.

Партитивная семантика, наряду с выражением количества неисчисляемого вещества, соответствует также значению "подмножество от некоторого множества элементов определенного типа", которое можно продемонстрировать примерами: *группа студентов, ведро яблок, трое из арестованных*, и которое мы далее будем для краткости обозначать как **значение подмножества**. Универсальный способ образования данного значения – употребление генитивной конструкции (как уже говорилось, термин "генитив" мы употребляем в широком смысле, подразумевая под генитивом также падежи типа финского партитива).

Как нам кажется, "отправной точкой" процесса грамматикализации и преобразования **Нумеративной Конструкции** (НК, см. часть 3) в КГ явились конструкции с числительными, имеющие значение подмножества, а именно, ИГ типа *три человека студентов, шесть штук ирисок* и т.д. Числительное в таких конструкциях присоединяется к некоторому семантически пустому имени для того, чтобы вся конструкция получила статус ИГ. Приведенные выше примеры *три человека студентов* и *шесть штук ирисок* совпадают с примерами *группа студентов* и *кулек (горсть...) ирисок* с той лишь разницей, что контекст числительного позволяет задать точную количественную характеристику. Если демонстрировать процесс грамматикализации на примере эволюции русских КГ, то он будет выглядеть примерно следующим образом (примеры ниже являются схематическим отображением диахронических процессов, а не точными аналогами КГ):

(50)

индоевропейск.

пять	головы	коров
пять	голова:Pl	корова: Gen.Pl

~ *пять голов коров, пять голов скота.*

Как известно, в индоевропейском числительные от *пяти* до *десяти* проявляли свойства несогласуемых прилагательных, существительное при этом должно было стоять во множественном числе (т.е. реализовывалась адъективная модель Подтипа А с плюралистической числовой стратегией). В праславянском данные числительные приобрели свойства существительных (женского рода), т.е. они требовали Gen.Pl существительного во всех падежах, контролировали согласование с глаголом и согласование приименных модификаторов. Переход от индоевропейской стратегии к праславянской

осуществлялся следующим образом: семантически пустое существительное (*голова* в нашем примере), которое несло на себе падежную нагрузку всей ИГ, элиминировалось. При этом исчисляемое имя сохраняло генитивное оформление, соответствовавшее прежде партитивной семантике подмножества. Так как оно не могло выражать внешнюю роль ИГ в предикации, эту функцию брало на себя числительное (см. Рис. 1).

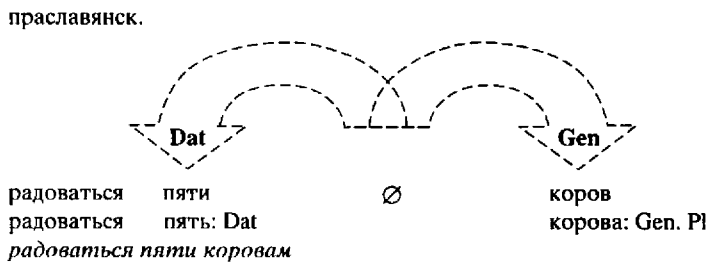

Рис. 1. Грамматикализация нумеративной конструкции в количественную группу в праславянском

На основании сравнения материала разных языков, например, финского и русского, можно установить, что числовая характеристика при этом передавалась "через голову" нумеративного имени, т.е. смены числовой стратегии не происходило. Так, в финском, где, как мы уже говорили, имеет место сингулярная числовая стратегия образования КГ, единственное число, приписываемое числительным нумеративному существительному, переходило после элиминации семантически пустого существительного к исчисляемому имени. Это происходило несмотря на то, что в финском (как и в русском) при образовании партитивной ИГ с семантикой подмножества, существительное, обозначающее большее множество (исчисляемых объектов), стояло во множественном числе. На основании всего сказанного выше схему грамматикализации НК в КГ можно представить следующим образом:

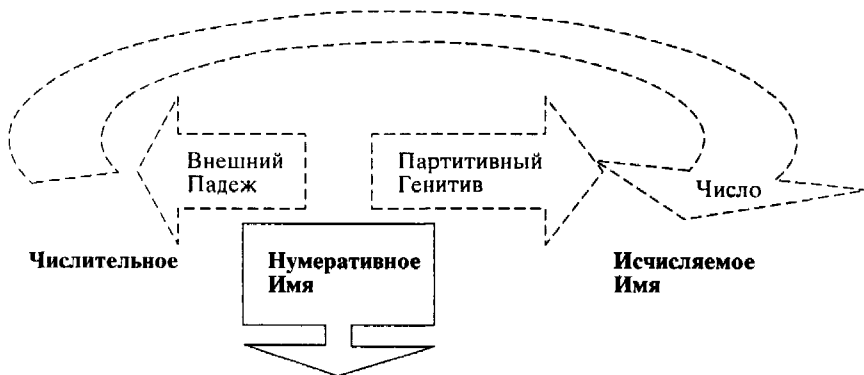

Рис. 2. Схема процесса грамматикализации нумеративной конструкции в количественную группу

К примерам грамматикализации, описываемым схемой на Рис. 2, мы еще вернемся, а пока закончим описание эволюции КГ в русском языке. Древнерусский наследует ситуацию праславянского (см. Рис. 1), т.е. числительные от *пяти* до *десяти* фактически являются существительными, а малые числительные образуют КГ по адъек-

тивной стратегии (см. также обсуждение материала древнерусского языка в пункте 1.3). Далее происходило аналогичное выравнивание между стратегиями больших и малых числительных по падежам: малые числительные перенимают субстантивную стратегию в номинативе, а большие в косвенных падежах адаптируют адъективную стратегию, что и приводит КГ к ее современному состоянию.

Чрезвычайно интересно также рассмотреть материал тех языков, где на синхронном уровне обнаруживается совмещение двух или нескольких стратегий (см. выше). Очевидно, что подобное совмещение всегда свидетельствует о происходящих в языке изменениях: на смену одним, более древним моделям приходят новые. Ниже мы кратко обсудим материал двух языков, в которых базовые стратегии образования КГ на синхронном уровне, казалось бы, не имеют между собой ничего общего, т.е. один избирает при образовании КГ субстантивную, а другой – нумеративную стратегию. Но, как мы собираемся показать, в основе КГ каждого из данных языков (а этими языками будут арабский и нивхский) лежат одни и те же когнитивные структуры.

В арабском при базовом линейном порядке слов числительные препозитивны и маркируют существительное показателем генитива (см. выше). Однако в ряде случаев возникает возможность постпозиции числительных, которые при этом начинают согласовываться с именем. Напомним, что генитив в арабском также следует за определяемым именем:

(51)

араб.

a. al-ban-āt-u s-sabf-at-u
Def-девушка-F.Pl-Nom Def-семь-F.Sg-Nom

(эти) семь девушек

b. sabf-Ø-u ban-āt-i-n
семь-M.Sg-Nom девушка-F.Pl-Gen-Indef

семь девушек

c. maʒmūf-u ban-āt-i-n
группа-Nom девушка-F.Pl-Gen-Indef

группа девушек.

Постпозитивная конструкция (51a), которая, очевидно, соответствует более ранней адъективной стратегии, явилась источником для образования современной препозитивной субстантивной модели (51b). "Перевалочным пунктом" в развитии явилась, опять-таки, НК [т.е. композиция конструкций (51a) и (51c)]. Схематично данный процесс можно изобразить так:

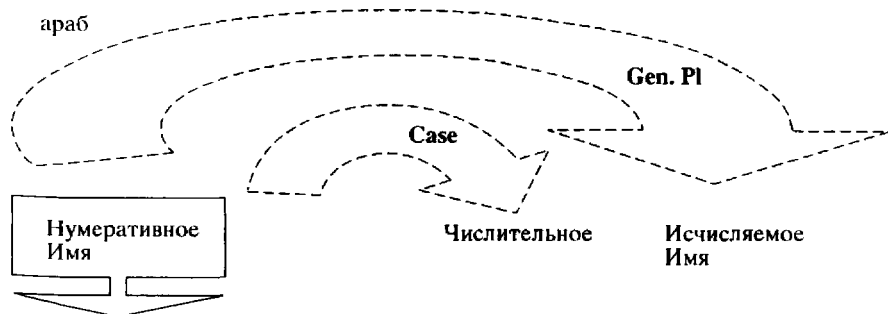

Рис. 3. Схема грамматикализации нумеративной конструкции в количественную группу в арабском

Обозначение "Case" здесь соответствует маркеру падежной роли ИГ в предикации (номинатив, аккузатив, генитив в случае арабского). Как мы видим, общий принцип схемы, изображенной на Рис. 2, работает и в данном случае. Единственное отличие состоит в том, что в арабском (насколько нам известно, это происходит не так часто) сингулярная числовая стратегия сменилась плюралисной, являющейся наследием семантики подмножества.

Еще одним языком, сохранившим "следы" развития КГ, является нивхский (см. описание выше). Напомним, что нивхский – язык с нумеративной стратегией образования КГ, в котором числительные до *пяти* располагаются после имени, принимая все морфологические характеристики ИГ в целом. Числительные после *пяти* располагаются препозитивно, и морфосинтаксическим центром в таком случае оказывается имя. Генитив в нивхском также располагается впереди имени (генитивный показатель в этом языке отсутствует, и генитивная группа образуется при помощи простой аппозиции). Итак, числительные до *пяти* в некоторый момент в нивхском языке образовывались по "естественной" препозитивной адъективной модели и образовывали НК с семантикой подмножества (наши утверждения в данном случае не голословны, так как мы следуем здесь В.Е. Панфилову [Панфилов 1962], проводившему специальные исследования в области синхронии и диахронии нивхских числительных):

(52)

нивх.

a. mačala me n'ivγ-dox
 парень два человек-Dat.Dir

~ к двум человекам парней

b. mačala me.n-dox
 парень два.Human-Dat.Dir

к двум парням.

Приведенный выше пример (52b) соответствует современному состоянию КГ в нивхском, а пример (52a) моделирует структуру существовавшей некогда НК со значением подмножества. Переход от (52a) к (52b) осуществлялся по уже известной нам схеме, отличие нивхского языка от русского или арабского состоит лишь в том, что в нивхском нумеративное имя не элиминировалось, а грамматикализировалось в показатель нумератива, инкорпорировавшись в числительное (о присутствии бывшего корня человек в числительном два говорит в примере (52b) согласный n). Схема развития КГ в нивхском языке выглядит следующим образом:

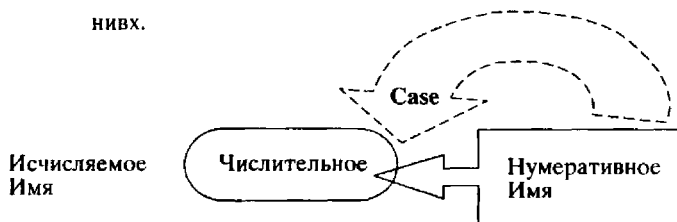

Рис. 4. Схема грамматикализации нумеративной конструкции в количественную группу в нивхском

Итак, как мы видим, несмотря на все различия в структуре КГ в арабском и нивхском языках, отправной точкой в развитии как тех, так и других явились идентичные по структуре и значению НК с семантикой подмножества. Данный факт позволяет нам сделать вывод о тождественности когнитивных структур, лежащих в основе КГ естественных языков.

Когда мы говорим о преобразовании НК с партитивной семантикой в КГ, то мы, конечно, вовсе не утверждаем, что всем КГ в современном русском соответствовали НК с нумеративами определенного типа в древнерусском. Основным нашим тезисом является идея о глубинном сходстве между КГ и НК, сходстве, в основе которого лежат универсальные когнитивные структуры, связанные с выражением партитивных значений. Начавшись благодаря элиминации нумеративного имени, процесс эволюции НК в КГ мог далее проходить благодаря такому диахроническому механизму, как аналогическое выравнивание (иметь общую модель для близких семантических структур всегда проще, чем несколько). Закрепление генитива при маркировании существительного в КГ могло поддерживаться, к тому же, благодаря еще одному источнику. А именно, часто в языке имеет место выражение значения подмножества не при помощи нумеративного имени, а посредством предложной группы, ср. русское *из: пять из мальчиков* и т.п. Очевидно, в таких случаях предлог также мог опускаться, оставаясь в результате *пять мальчиков* и т.п. Кроме русского *из* похожими свойствами обладает, например, арабский предлог *min* – *из, от* (см. пример (36) в части 2).

Предвидя возражения по поводу того, что процесс грамматикализации КГ рассмотрен нами лишь для языков с "удобным" порядком слов, скажем следующее. Действительно, схема преобразования НК с семантикой подмножества в КГ соответствует в русском эволюции Num_N_Gen → Num_N, в арабском – N_Num_Gen → Num_N, в нивхском – Gen_Num_N → N_Num. Как же при этом описать подобную эволюцию, например, в осетинском языке, где имеет место процесс Gen_Num_N → Num_N, т.е. иконичная связь порядка составляющих, на первый взгляд, нарушается (нормальным было бы преобразование порядка Gen_Num_N в N_Num, как это имеет место в арабском). На помощь здесь приходит способность НК (что можно проследить на примере осетинского или литовского языков) менять базовый порядок слов, ср.:

(53)

осет.

a.	mæʂug-i	cuppaɾ	qumem-i
	башня-Gen	четыре	угол-Gen
	четыре угла башни		
b.	cuppaɾ	sæɾ-i	Rucci-tæ
	четыре	голова-Gen	корова-Nom.Pl
	~ четыре головы коров (скота).		

В примере (53a) здесь приведена стандартная КГ с генитивным зависимым, а в примере (53b) – НК, где, как мы видим, исчисляемое имя, которое, как ожидается, будет получать показатель генитива и располагаться в крайней левой позиции, перемещается в постпозицию по отношению к числительному и теряет показатель генитива. Т.е. процесс эволюции осетинской КГ от адъективной к субстантивной стратегии выглядел следующим образом: *коровы (Gen) четыре голова → четыре голова коровы (Gen) → четыре коровы (Gen)*, причем последняя КГ – *четыре коровы* – столь же употребительна в современном осетинском, сколь и НК *четыре головы (Gen.Pl) коровы (Nom)* (НК имеет место в основном при выражении больших количеств, наш пример с *четыре* в этом отношении здесь несколько условен, хотя и правомерен).

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, как мы надеемся, нам удалось показать, в большинстве случаев статус имени как Семантической Вершины КГ коррелирует с ее статусом как вершины с точки зрения Формальных Характеристик. Случаи отступления от этого правила связаны с выражением (уже развившейся или только еще грамматикализующейся) категории Партитивности. Можно сказать, что несоответствия между семантической и синтаксической вершиной в ИГ встречаются и в ряде других случаев (ср. уже упоминавшиеся *a devil of a fellow, diable d'enfant*). Так, интересным фактом является то, что во многих языках подобные свойства проявляют НК с неисчисляемыми существительными.

Например, формальной вершиной в татарских или армянских аналогах русской ИГ *два ведра воды* будет не существительное *ведро*, а имя *вода*, что абсолютно "неестественно" скажем, для русского или английского языков.

В заключение скажем также несколько слов по поводу того, какая из двух синтаксических моделей, **Грамматика Зависимостей** или **Грамматика Составляющих**, наиболее адекватно описывает структуру ИГ. Как мы неоднократно могли убедиться при рассмотрении морфосинтаксических свойств ИГ в языках разной структуры, характерной особенностью ИГ является их способность выступать как некоторый цельный комплекс, общие свойства которого не сводимы к сумме свойств составных частей. И в этом состоит преимущество ГС. С другой стороны, статус существительного в ИГ как семантической вершины и (в большинстве случаев) вершины с точки зрения формальных характеристик, как мы пытались показать, является объективной языковой реальностью. Таким образом, наш ответ на вопрос: "Составляющие или зависимые?" можно сформулировать следующим образом: Именные группы, являющиеся элементарными синтаксическими единицами, участвующими в построении предложения, демонстрируют внутреннее функциональное единство всех элементов и проявляют себя как **Составляющие**, в которых особый, выделенный статус **Вершины** имеет существительное.

7. ПРИЛОЖЕНИЕ

Сводная таблица типологических свойств КГ
(комментарии см. под таблицей)

Язык	Стратегия образования КГ				Числовая стратегия				Порядок элементов в ИГ		
	A	S	P	N	Noun	Adj	VP	PI	Adj	Gen	Num
англ.	+				PL	---	PL	+	>	<	>
араб.	+	+	+		PL	PL	(PL)	+	<	<	> (<)
арм.	+				PL	---	PL	+	>	>	>
ассир.			+		PL	PL	PL	+	<	<	>
багв.	+				SG	SG	SG(PL)	?+	>	>	>
баск.			+		≠SG, PL	---	PL	+	<	>	>
болг.	+	+			PL	PL	PL	+	>	<	>
бурят.	+				SG(PL)	---	SG(PL)	-	>	>	>
индонез.				+	SG	---	---	---	<	<	> (<)
корякск.	+				PL	---	PL	?	>	>	>
лит.	+	+			PL	PL	---	+	>	>	>
малаял.	+		+		SG(PL)	---	---	-	>	>	> (<)
мыонг.				+	---	---	---	---	<	<	>
нивх.		+	+	+	SG(PL)	---	SG(PL)	-	>	>	> (<)
осет.	+	+			SG(PL)	---	SG(PL)	+	>	>	>
перс.			+		SG	---	PL	-	<	<	>
русс.	+	+			PL	PL	PL(3SG)	+	>	<	>
санскр.	+				PL	PL	PL	+	>	<	>
суах.	+				PL	PL	PL	+	<	<	<
тамил.	+		+		SG(PL)	---	SG(PL)	-	>	>	> (<)
тат.	+				SG	---	SG(PL)	-	>	>	>
финск.	+	+			SG(PL)	SG	SG(PL)	+	>	>	>
хинди	+				PL	PL	PL	+	>	>	>
цах.	+				SG(PL)	SG(PL)	SG(PL)	?+	>	>	>
чешск.	+	+			PL	PL	3SG=PL	+	>	<	>
эск.	+				PL	PL	PL	+	>	>	>
язгул.	+		+		SG(PL)	---	SG(PL)	-	> (<)	> (<)	>
японск.				+	---	---	---	---	>	>	>

Пояснения к таблице

В круглых скобках приводится альтернативный вариант стратегии/порядка. Вопросительный знак указывает на недостаток данных.

Столбец 'Стратегия образования КГ' описывает существующие в языке стратегии образования количественной группы. Обозначения А – адъективная стратегия, S – субстантивная, P – (particular) числительное сочетается с именем по особой стратегии, N – нумеративная.

Столбец 'Числовая стратегия' описывает особенности числового оформления существительных в составе КГ и стратегии числового согласования внутри и вне ИГ.¹⁹ Под множественным подразумевается также и двойственное число. В подстолбце 'Pl' приводится характер категории числа: '+' – облигаторное, '-' – факультативное.

Столбец 'Порядок элементов ИГ' содержит информацию о расположении прилагательных генитивных зависимых и числительных по отношению к имени в ИГ. '>' – предпозиция, '<' – постпозиция.

*Грамматические показатели присоединяются к последнему элементу в ИГ.

Источником информации о грамматических свойствах языков являлся в ряде случаев (арабский, армянский, багвалинский, баскский, литовский, татарский, чешский) опрос носителей. Данные по другим языкам были взяты из следующих источников (см библиографию): ассирийский – [Церетели 1964]; болгарский – [Безинович, Гордова-Рыбальченко 1957], бурятский – [Бертагаев, Цыдендамбаев 1962], индонезийский – [Алиева, Арансен, Оглоблин, Сирк 1972], корякский – [Языки мира 1997], малайялам – [Андронов 1993], мьянм – [Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 г. Язык мьянм 1987], нивхский – [Панфилов 1962], осетинский – [Багаев 1965, Исаев 1962, Миллер 1962], персидский – [Рубинчик 1960, Смирнова 1974], санскрит – [Зализняк 1996, Кочергина 1998], суахили – [Громова, Охотина 1995, Мячина 1960], тамильский – [Андронов 1987, 1960], финский – [Kortteevskaja-Tamm 2001, Kortteevskaja-Tamm, Bernhard 2001], хинди – [Чернышев 1965], цахурский – [Элементы цахурского языка в типологическом освещении 1999], эскимосский – [Меновщиков 1962], язгулямский – [Эдельман 1966]; японский – [Головнин 1986, Учебник японского языка 1997].*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиева И В, Арансен В Д, Оглоблин А К, Сирк Ю Х 1972 – Грамматика индонезийского языка М, 1972
Андронов М С 1960 – Тамильский язык М, 1960
Андронов М С 1987 – Грамматика тамильского языка М, 1987
Андронов М С 1993 – Язык малайялам М, 1993
Багаев Н К 1965 – Современный осетинский язык Ч 1 Орджоникидзе, 1965
Безинович Е И, Гордова Рыбальченко Т П 1957 – Болгарский язык Л, 1957
Бертагаев Т А, Цыдендамбаев Ц Б 1962 – Грамматика бурятского языка Синтаксис М, 1962
Головнин И В 1986 – Грамматика современного японского языка М, 1986
Гринберг Дж 1999 – Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Зарубежная лингвистика II М, 1999
Громова Н В, Охотина Н В 1995 – Теоретическая грамматика языка суахили М, 1995
Зализняк А А 1996 – Грамматический очерк санскрита // Кочергина В А. Санскритско-русский словарь М, 1996
Иванов В В 1983 – Историческая грамматика русского языка М, 1983
Исаев М И 1962 – Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика. Морфология М, 1962

¹⁹ В соответствии с описанием стратегий числового согласования в главе Числительные и Число, можно утверждать, что в тех случаях, когда в таблице стоит 'Sg', скорее всего имеет место "Sg(Pl)", однако достоверных свидетельств этого нам неизвестно.

* Автор выражает искреннюю признательность Александру Евгеньевичу Кибрику за помощь в подготовке данной работы и за бесценное научное и личностное влияние.

- Исакадзе Н В 1999 – Отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе Дис канд филол наук 1999
- Кибрик А Е 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания М, 1992
- Кочергина В А 1998 – Учебник санскрита М, 1998
- Мельчук И А 1985 – Поверхностный синтаксис русских числовых выражений Вена, 1985
- Мельчук И А 1998 – Курс общей морфологии Т II (Часть вторая Морфологические значения) Москва, Вена, 1998
- Меновицков Г А 1962 – Грамматика языка азиатских эскимосов Ч I М, Л, 1962
- Миллер В Ф 1962 – Язык осетин М, Л, 1962
- Мячина Е Н 1960 – Язык суахили М, 1960
- Панфилов В Э 1962 – Грамматика нивхского языка Ч I, М, Л, 1962
- Рубинчик Ю А 1960 – Современный персидский язык М, 1960
- Смирнова И А 1974 – Формы числа имени в иранских языках Л 1974
- Учебник японского языка 1997 – Учебник японского языка // Под ред И В Головинина М 1997
- Церетели К Э 1964 – Современный ассирийский язык М, 1964
- Чернышев В А 1965 – Синтаксис простого предложения в хинди М, 1965
- Эдельман Д И 1966 – Язгулямский язык М, 1966
- Элементы цахурского языка в типологическом освещении 1999 – Элементы цахурского языка в типологическом освещении // Под ред А Е Кибрика, Я Г Тестельца М, 1999
- Языки мира 1997 – Языки мира Палеоазиатские языки М 1997
- Язык мыонг 1987 – Язык мыонг Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 г М, 1987
- Babby L H 1985 – Prepositional quantifiers and the direct case condition in Russian // Flier M S, Brecht R D (eds) Issues in Russian morphosyntax Columbus, Ohio, 1985
- Babby L H 1987 – Case Prequantifiers and discontinuous agreement in Russia // Natural language and linguistic theory V 5 1, 91–139 1987
- Cann R 1993 – Patterns of headedness // Corbett G G, Fraser N M, McGlashan S (eds) Heads in grammatical theory Cambridge, 1993
- Corbett G G 1993 – The head of Russian numeral expressions // Corbett G G, Fraser N M, McGlashan S (eds) Heads in grammatical theory Cambridge, 1993
- Grison T 1989 – Syntax A functional-typological introduction V II Amsterdam, 1989
- Greenberg J H 1978 – Generalizations about numeral systems // Greenberg (ed) Universals of human language V 3, Word structure, Stanford, 1978
- Hudson R A 1980a – Constituency and dependency // Linguistics V 18 № 3/4 1980
- Hudson R A 1980b – A second attack on constituency a reply to Dahl // Linguistics V 18 № 5/6 1980
- Hudson R A 1993 – Do we have heads in our minds // Corbett G G, Fraser N M, McGlashan S (eds) Heads in grammatical theory Cambridge, 1993
- Koptjevskaja-Tamm M, Bernhard W 2001 – The Circum Baltic languages an areal typological approach // Dahl, Osten, M Koptjevskaja-Tamm (eds) Amsterdam, 2001
- Koptjevskaja-Tamm M 2001 – A piece of the cake' and 'a cup of tea' partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the circum-baltic languages // Dahl, Osten, Koptjevskaja-Tamm M (eds) The Circum-Baltic languages typology and contacts Amsterdam, 2001
- Nichols J 1986 – Head-marking and dependent-marking grammar // Language V 62 № 1 1986
- Payne J 1993 – The headedness of noun phrases slaying the nominal hydra // Corbett G G, Fraser N M, McGlashan S (eds) Heads in grammatical theory Cambridge, 1993
- Radford A 1993 – Head hunting on the trail of the nominal Janus // Corbett G G, Fraser N M, McGlashan S (eds) Heads in grammatical theory Cambridge, 1993
- Zwicky A M 1985 – Heads // Journal of linguistics № 21 1985